

18+

Магическая фармакология

ГОСТы, налоги
и один влюбленный оборотень

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова

**Магическая фармакология:
ГОСТы, налоги и один
влюбленный оборотень**

«Издательские решения»

Кирова М.

Магическая фармакология: ГОСТы, налоги и один влюбленный оборотень / М. Кирова — «Издательские решения»,

Марина всего лишь хотела выжить в теле ссыльной вдовы и спасти ветхую травную лавку. Но в Сухолесье лекарства подделывают, налоги кусаются, а следователь-оборотень Савелий Руд уверен: новая аптекарша что-то скрывает. Она вводит ГОСТы, бросает вызов гильдии и лечит город, пока самый опасный враг всё чаще заходит «за мазью» — и всё реже уходит без взгляда на её губы.

© Кирова М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Чужие руки пахнут полыню	6
Глава 2. Лавка, которую проще сжечь	11
Глава 3. Следователь с волчьими глазами	17
Глава 4. Первый ГОСТ	23
Глава 5. Мазь от ушибов	29
Глава 6. Налоговая недоимка	37
Глава 7. Белая кора	43
Глава 8. Порошок от жара	52
Глава 9. Дом с зелёными ставнями	59
Глава 10. Печать Радомирского	66
Глава 11. Соседка, которая всё знает	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Магическая фармакология: ГОСТы, налоги и один влюбленный оборотень

Маргарита Кирова

© Маргарита Кирова, 2026

ISBN 978-5-0070-0223-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Чужие руки пахнут полынью

Сначала Марина решила, что склад снова затопило.

Во рту стоял вкус мокрой бумаги, старой пыли и чего-то горького, аптечного. Горло саднило, словно она всю ночь спорила с комиссией, хотя комиссий в её жизни хватило бы и без ночных репетиций. Где-то рядом потрескивало пламя. Не электрический щиток. Не аварийная лампа. Настоящий огонь.

Она открыла глаза.

Потолок был низкий, тёмный, с балкой поперёк. На балке висели пучки трав. Сухие стебли качались в сквозняке, и от них шёл терпкий запах полыни, пепла и мышинного холода. Не больничная палата. Не её квартира с жёлтыми обоями и чайником, который давно надо было заменить. Не кладовая аптеки, где три дня назад она последний раз стояла с опечатанной дверью за спиной.

Чужая комната.

Чужая кровать.

Чужие руки на одеяле.

Марина устала на пальцы. Тонкие, бледные, с обломанными ногтями. На безымянном пальце — тёмный след от кольца. Самого кольца не было. Кожа пахла не её кремом для рук, а дымом, луком и какими-то травами, которые въедались глубже мыла.

Она медленно села.

Комната качнулась. В висках ударило. Под ребрами что-то потянуло болезненно, как после долгой температуры. Марина зажмурилась, посчитала до пяти, потом до десяти. Открыла глаза снова.

Ничего не изменилось.

На стене висело мутное зеркало в деревянной раме. До него было три шага. Или целая жизнь, если смотреть честно. Марина заставила себя встать. Пол оказался ледяным. Доски скрипнули под босыми ступнями, и за дверью сразу стихли голоса.

До этого они говорили громко.

— Очнулась, что ли? — спросила женщина. Голос низкий, неприятно любопытный. — Я же говорила, горячка её не возьмёт. Таких земля долго выпихивает.

— Тише, Аграфена, — пробормотал мужчина. — Не при больной.

— При какой больной? При должнице.

Марина дошла до зеркала.

Из мутного стекла на неё смотрела женщина лет тридцати пяти, может, чуть моложе, может, старше — голод и болезнь не оставляли возрасту честных границ. Острые скулы. Тёмные круги под глазами. Русые волосы спутаны, стянуты чёрной лентой. Губы пересохли. Лицо незнакомое, но не пустое. В нём было что-то сдержанное, замкнутое, упрямое.

Тело покачнулось, и Марина ухватилась за край стола.

— Так, — сказала она вслух.

Голос оказался хриплым. Чужим. Но интонация была её. Та самая, от которой молодые провизоры на складе переставали спорить и начинали искать накладные.

— Так, — повторила она тише.

Паника стояла близко, почти под кожей. Стоило отпустить контроль — и она поднимется. Марина много лет работала там, где паника стоила людям здоровья. Сначала дыхание. Потом осмотр. Потом факты.

Факт первый: она не дома.

Факт второй: тело не её.

Факт третий: за дверью люди, и они знают больше.

Факт четвёртый: пить хочется сильнее, чем кричать.

Она нашла на столе глиняную кружку. Вода пахла железом, но была водой. Марина выпила мелкими глотками, морщась от боли в горле. Потом повернулась к двери.

— Войдите.

За дверью возня оборвалась. Кто-то охнул. Кто-то пробормотал молитву.

Дверь открылась первой женщина — широкая, румяная, с руками, привыкшими месить тесто и раздавать подзатыльники. За ней протиснулся маленький сухой мужчина в сером кафтане, прижавший к груди кожаную папку. Третьим вошёл рыжебородый тип с таким выражением лица, какое бывает у людей, которые уже мысленно продали ваш шкаф и теперь раздражены тем, что вы на нём сидите.

Женщина перекрестилась странным движением — двумя пальцами к горлу, потом к виску.

— Лидия, — сказала она. — Ну и видок у тебя.

Марина отметила имя. Лидия.

— Воды ещё, — сказала она.

Женщина хмыкнула, но налила из кувшина. Марина взяла кружку обеими руками, чтобы никто не заметил дрожь.

— Сколько я была без сознания?

Маленький мужчина с папкой моргнул.

— Три дня, госпожа Радомирская.

Радомирская. Вдова, судя по ленте и следу от кольца.

— Причина?

Все трое переглянулись.

— Горячка, — сказал мужчина неуверенно. — После обморока у лавки.

— Не горячка, а наказание, — буркнул рыжебородый. — Долги не любят, когда от них падают в обморок.

Марина посмотрела на него.

Обычно после такого взгляда сотрудники вспоминали, что инструкции существуют не для украшения стенда. Рыжебородый не вспомнил ничего, но слегка выпрямился.

— Вы кто?

— Тимон Ларь. Кредитор покойного вашего мужа.

Покойного. Мужа.

Марина не дала лицу измениться.

— Сумма?

Тимон моргнул, будто ожидал слёз, криков или падения на колени. Не получил ничего из списка и растерялся.

— С процентами?

— Сначала основная. Потом проценты. Потом штрафы. Отдельно.

Маленький мужчина с папкой вдруг оживился. Бумаги для него были родной средой.

— Если позволите, я писарь Нестор. Я принёс опись имущества и уведомление о недоимке. Также акт о состоянии лавки травника, перешедшей вам после смерти супруга, мастера Олега Радомирского.

— Лавки травника, — повторила Марина.

Аграфена, если её так называли, прищурилась.

— Что, и это забыла?

Марина могла сказать, что не забыла. Могла сказать, что помнит плохо. Могла начать задавать лишние вопросы. Но пока лучше всего работала простая версия: болезнь, слабость, деловой тон.

— После трёх дней без сознания мне нужны факты, а не упрёки. Сядьте.

Стульев в комнате не хватало, поэтому не сел никто. Но порядок разговора изменился. И это имело значение.

Нестор раскрыл папку. Бумаги зашелестели. Почерк на них был неровный, с завитками, но Марина неожиданно прочитала всё. Новый мозг или магия мира, где вдовы владеют лавками травника. Хорошо. Одной проблемой меньше.

Проблем оставалось достаточно.

Дом заложен частично. Лавка обременена долгом. Налоговая недоимка за два квартала. Товары в лавке не оценены, часть испорчена. Покойный муж числится участником незавершённого следствия по незаконному обороту редких ингредиентов. Вдова Лидия Радомирская — под надзором до закрытия дела.

Марина слушала, не перебивая. Только кружка медленно пустела в её руках.

Наконец она сказала:

— Ключи от лавки у кого?

Тимон фыркнул.

— Вам бы о похоронах вспомнить, о муже, о душе, а вы ключи.

— Муж уже похоронен?

Пауза.

— На третий день после смерти, — ответил Нестор.

— Значит, это не срочное. Ключи.

Аграфена неожиданно усмехнулась. Не тепло. Но с интересом.

— У меня один. Твой покойник оставлял, когда напивался до дверей. Второй, говорят, у следователя. Третий должен быть у тебя.

— У следователя?

Нестор торопливо полез в бумаги.

— Следователь Савелий Руд. Он вёл дело по смерти мастера Радомирского и осматривал лавку после... после происшествия.

Имя легло в комнату тяжело. Даже Аграфена перестала улыбаться.

— Почему следователь забрал ключ?

— Потому что твой муж, упокой тёмные земли его упрямую голову, умер не от старости, — сказала Аграфена. — А когда травник умирает с пеной на губах среди собственных склянок, к нему приходит Руд. И лучше бы он не приходил.

Марина опустила взгляд на свои чужие руки.

Аптека. Травник. Смерть от возможного отравления. Долги. Надзор. Лавка с неизвестным ассортиментом.

Где-то внутри, под ужасом и слабостью, шевельнулась странная сухая злость. Не яркая, не горячая. Рабочая.

Её уже однажды пытались похоронить под бумагами. Прежняя жизнь закончилась не смертью, а дверью, которую перед ней закрыли с формулировкой «утрата доверия». Марина помнила белый кабинет, лица комиссии, чужую ошибку в журнале температурного режима, подпись начальника, который никогда не спускался на склад, но отлично умел искать виноватых ниже себя.

Она не умерла тогда.

Похоже, и сейчас не собиралась.

— Мне нужны, — сказала она, — опись лавки, список долгов, налоговые требования, сведения о товаре и ключи. До вечера.

Тимон нахмурился.

— Ты в своём уме, Лидия?

Марина посмотрела прямо.

— Вероятно, впервые за долгое время.

Он открыл рот, но Аграфена вдруг засмеялась. Коротко, с хрипотцой.

— А вот это уже что-то новенькое.

Нестор осторожно протянул часть бумаг. Тимон прижал свою расписку к груди.

— Долг никуда не денется.

— Очень хорошо, — сказала Марина. — Значит, я успею его посчитать.

Рыжебородый оскорбился до красноты. Но спорить с женщиной, которая сидела бледная как простыня и требовала арифметику вместо жалости, оказалось неудобно. Он буркнул что-то про сроки, суд и опись сундуков, потом вышел.

Нестор оставил уведомления и обещал принести копию акта. Аграфена задержалась.

Она стояла у двери, глядя на Марину, словно пыталась выбрать между жалостью и подозрением. Жалость проиграла.

— Ты и правда не помнишь?

— Помню достаточно, чтобы понимать: денег нет, лавка есть, город не любит вдов с долгами.

— Город вообще мало кого любит.

— Прекрасно. Значит, взаимности от меня не ждут.

Аграфена снова хмыкнула.

— Лавка твоя на Нижней улице. Зелёная дверь. Если за ночь не растащили всё, что осталось. Я принесу ключ после обеда. И хлеба. Ты выглядишь, словно тебя ветром можно в печную трубу затянуть.

— Спасибо.

Слово вышло непривычно мягко. Женщина будто не ожидала. Дёрнула плечом.

— Не благодари заранее. Я беру за хлеб.

Когда дверь закрылась, комната стала тише. Марина прислонилась к столу и позволила себе один долгий вдох. Потом другой.

На столе лежали бумаги. В углу стоял сундук. На подоконнике чернела засохшая герань в треснувшем горшке. За мутным стеклом медленно падал снег, хотя в комнате пахло осенью и болезнью.

Она села и разложила документы по кучкам.

Долги. Налоги. Имущество. Следствие. Лавка.

Пальцы дрожали. Она прижала ладонь к столу.

— Паниковать будем позже, — сказала она пустой комнате.

Пустая комната не возразила.

Через час она нашла в нижнем ящике стола связку писем. Большинство были счета, напоминания, грубые записки. Но одно лежало отдельно, под сухими лепестками. На плотной бумаге, сложенной вчетверо. Печать сломана.

Марина раскрыла.

Почерк был женский, нервный, с нажимом.

«Если со мной что-то случится, не верьте Олегу. Он носит товар в старую лабораторию. Я нашла дверь, но не знаю, как её открыть. Руд должен увидеть книги. Не отдавайте печати гильдии».

Подписи не было.

Только внизу, у самого края, тёмное пятно. Не чернила. Старое бурое пятно, похожее на кровь.

Марина долго смотрела на письмо.

За окном проехала телега, скрип колёс потонул в снегу. Где-то в доме что-то стукнуло. Травы под потолком тихо шуршали, как если бы кто-то невидимый перебирал сухие листья.

Внизу, под письмом, лежал официальный акт дознания.

Марина перевернула страницу.

«Следователь по особым делам Сухолесья Савелий Руд».

Подпись была резкая, угловатая. Такая подпись не просила места на бумаге. Она его занимала.

Марина провела пальцем над чернилами, не касаясь.

— Хорошо, Савелий Руд, — сказала она. — Начнём с вас.

И впервые с момента пробуждения ей стало не страшно, а холодно интересно.

Опаснее страха.

Глава 2. Лавка, которую проще сжечь

Ключ Аграфена принесла вместе с хлебом, узелком соли и мнением, которого у неё никто не спрашивал.

— Лавку лучше продать, — сказала она с порога. — Если найдётся дурак купить. А если не найдётся, сдать под склад. Или сжечь ночью да сказать, что молния ударила.

— Сейчас зима.

— В Сухолесье молнии бьют, когда им скучно.

Марина натягивала чужое платье перед треснутым зеркалом. Платье было чёрное, вдовье, узкое в груди и слишком длинное в подоле. Оно пахло сундуком и чужой тоской. Марина затянула пояс, проверила, можно ли свободно двигать руками, и только потом взяла хлеб.

— Сжигать заложенное имущество невыгодно.

Аграфена остановилась с таким видом, будто услышала от покойника жалобу на соль.

— Ты раньше так не говорила.

— Раньше я, видимо, плохо считала.

— Раньше ты почти не говорила.

Вот это уже полезнее. Марина отломала кусок хлеба. Тёплый, плотный, с кислинкой. Желудок сжался от голода так резко, что пришлось замолчать и прожевать медленно, иначе она бы опозорилась.

Аграфена смотрела пристально.

— Не помнишь его?

— Кого?

— Мужа.

Марина взяла ещё кусок, чтобы выиграть время. Врать крупно она не любила. Врать мелко, когда без этого нельзя, умела.

— Помню обрывками.

— Значит, милость всё-таки есть.

— Он был плохим человеком?

— Он был человеком, после которого в доме становилось холоднее. Хватит тебе?

Марина кивнула.

Хватит. Пока.

До Нижней улицы они шли вдвоём. Аграфена решила проводить её без обсуждения, а Марина не стала отказываться. Тело Лидии ещё было слабым. Ноги дрожали после каждого десятка шагов, дыхание быстро сбивалось, холод забирался под платье и кусал колени.

Сухолесье оказалось городком из серого камня, тёмного дерева и упрямых крыш, согнутых под снегом. Улицы были узкие, с водосточными канавками по краям. Из труб поднимался дым. Пахло мокрой шерстью, печами, конским навозом и хлебом из корзины Аграфены. Люди оборачивались.

Не все. Только почти все.

Марина ловила взгляды: любопытные, неприязненные, осторожные. Кто-то шепнул: «Радомирская». Кто-то перекрестился тем же странным жестом к горлу и виску. Двое мальчишек перестали кидаться снегом, пока она проходила мимо.

— Боятся? — спросила Марина тихо.

— Тебя? — Аграфена фыркнула. — Не льсти себе. Твоего мужа боялись. Тебя не понимали. Это почти хуже.

— Почему?

— Когда человека боятся, знают, куда от него бежать. Когда не понимают, стоят рядом и ждут, что из него вылезет.

Лавка стояла между сапожником и закрытой красильней. Зелёная дверь облупилась, вывеска висела криво: «Травы и снадобья мастера Радомирского». Ни имени Лидии, ни вдовой отметки. На ставне кто-то выцарапал ножом неприличное слово, покрашенное кое-как.

Марина вставила ключ.

Замок не хотел проворачиваться. Она надавила, почувствовала боль в пальцах, но упрямство оказалось сильнее ржавчины. Дверь открылась.

Запах ударил сразу.

Не уютная травная лавка из открыток. Не сухая мята, не лавандовые мешочки, не романтическая пыль на полках.

Гниль.

Кислая настойка. Прогорклое масло. Сырость. Старая мышиная моча. Что-то сладковатое, химическое и очень неправильное.

Марина замерла на пороге.

Аграфена за её спиной сказала:

— Ну? Я же говорила. Сжечь проще.

— Не проще, — ответила Марина. — Просто быстрее.

Она вошла.

В лавке было темно. Ставни закрыты, стекло мутное. На прилавке стояли склянки без подписей. На полу валялись сухие листья, корни, обрывки бумаги. За прилавком — шкафы до потолка, ящики, связки трав, ступки. В углу — медная перегонная штука, похожая на самогонный аппарат, который женили на алхимическом кошмаре. Над всем этим висела пыль.

Марина подошла к ближайшей полке, взяла склянку. Жидкость внутри была бурозелёной, с хлопьями. На горлышке — засохший налёт. Этикетки нет.

Она поставила склянку на прилавок.

Взяла вторую. Этикетка есть, но чернила расплылись. «От живота». От какого живота, чьего возраста, сколько капель, внутрь или на живот, до еды или после — тишина.

Третья. Масло с плесенью.

Четвёртая. Порошок, в котором шевельнулось что-то маленькое и живое.

Марина медленно закрыла глаза.

— Лидия? — осторожно спросила Аграфена.

— Мне нужен таз, кипяток, щёлок или мыло, чистые тряпки, пустые корзины, мел, бумага и человек, который будет писать.

— Зачем?

— Потому что если я сейчас начну кричать, пользы будет меньше.

Из-за задней двери что-то грохнуло.

Аграфена резко повернулась.

— Кто там?

Ответом стал тонкий писк.

Марина обошла прилавок и открыла дверь в подсобку. Там, среди мешков и поломанных ящиков, стояла девочка лет четырнадцати. Худая, тёмноглазая, с коротко обрезанными волосами и лицом человека, который слишком рано понял цену чужой доброты. В руках она держала банку с сушёными ягодами.

— Я не крала, — сказала девочка сразу. — Они мышами погрызены.

— Имя?

— Ника.

— Ты здесь работаешь?

— Помогала мастеру. Потом госпоже. Иногда. За еду.

Аграфена упёрла руки в бока.

— Ах ты мелкая сорока. Я думала, ты после похорон сбежала.

— Я и сбежала. Потом есть захотела.

Марина посмотрела на банку. На ягоды. На девочку.

— Банку выбросить. Ягоды тоже.

Ника прижала добычу к груди.

— Они нормальные.

— Нет. На них следы мышей и плесень. Если хочешь отравиться, сделай это не в моей лавке.

«Моей» прозвучало неожиданно. Марина сама услышала.

Ника тоже. Прищурилась.

— Вы раньше не выбрасывали.

— Значит, зря.

— Мастер говорил, плесень даёт силу.

— Мастер умер?

Девочка захлопнула рот.

Аграфена кашлянула, пряча смехок. Марина не улыбнулась. Ей было не смешно.

— Слушай внимательно, Ника. Здесь останется только то, что можно опознать, проверить и безопасно использовать. Всё остальное уйдёт в брак.

— В куда?

— В мусор. Но с записью.

— Мусор с записью?

— Особенно мусор с записью.

Ника посмотрела на Аграфену. Та развела руками.

— Я предупреждала, горячка людей меняет.

Они начали с окна.

Когда ставни распахнулись, зимний свет вошёл в лавку не благословением, а обвинением. Он показал всё: пыль на полках, пятна на полу, паутину в углах, засохшие потёки на столе для приготовления, грязные ножи, ступку с остатками чёрной массы, мешки без бирок.

Марина распределила задачи. Аграфена сходила за кипятком и мылом, ворча, что булочная не прачечная. Ника получила мел и приказ нумеровать каждую полку. Марина нашла старую книгу учёта. Последние записи в ней были бессмысленными: «три пучка», «синяя настойка», «для купца», «ночью». От такого хотелось ударить покойного мастера Радомирского по затылку. Желательно справочником.

Через два часа у двери стояли четыре корзины.

Первая: точно испорчено.

Вторая: неизвестно, требует проверки.

Третья: тара на промывку.

Четвёртая: условно годное сырьё.

— Это половина лавки, — сказала Ника, когда Марина вынесла очередной мешок.

— Нет. Это половина проблемы.

— А если люди придут?

— Скажем правду.

Девочка поперхнулась.

— Покупателям?

— Им особенно.

Первый покупатель пришёл ближе к вечеру, когда у Марины гудели ноги, а пальцы пахли мылом, плесенью и горькими корнями. Это была молодая женщина в старом платке. На руках у неё висел мальчик лет пяти, красный от жара. Он дышал часто, губы пересохли.

— Мне настойку мастера Олега, — выпалила женщина. — Ту, что от огневицы. Он давал раньше. Три ложки, и ребёнок спит.

Марина почувствовала, как внутри всё стало ровно и холодно.

— Когда началась температура?

— Вчера к ночи. Сегодня горит. Дайте скорее.

— Что уже давали?

— Остаток старой настойки. Ложку утром. Потом ещё одну.

Марина протянула руки.

— Можно?

Женщина отступила, прижимая ребёнка.

— Вы же вдова.

— Да. И сейчас я единственный человек в этой комнате, который спрашивает дозу, а не хватает первую попавшуюся бутылку.

Женщина замерла.

Аграфена, стоявшая у двери с ведром, неожиданно сказала:

— Дай ей мальчика, Даша. Хуже прежнего мастера она не сделает. Тот вообще на глаз лил.

Это доверие было сомнительное, но полезное.

Марина проверила мальчика, как могла: кожа, дыхание, глаза, живот, сыпь. Спросила про стул, воду, озноб. Женщина краснела, отвечала, путалась. Ника слушала с открытым ртом.

Настойка мастера Олега нашлась на полке. Без даты. Пахла спиртом, горькой травой и чем-то раздражающим. Марина отставила её подальше.

— Этого больше не давать.

— Но он же спал после неё.

— Потому что она валит с ног. Это не лечение.

— А что делать?

Марина взяла из условно годной корзины беловатую сушёную траву, которую Ника назвала холодницей. Запах был свежий, немного огуречный, без гнили. Простое охлаждающее средство. Она не знала этот мир, но знала принцип: не навреди, вода, наблюдение, мягкое действие, никаких ударных доз неизвестного состава.

Она приготовила слабый настой, записала: имя ребёнка, возраст, симптомы, время, что давали до этого. Ника писала медленно, высунув кончик языка.

— Поить маленькими глотками, — сказала Марина. — Не кутать. Комнату проветрить. Если начнёт задыхаться, появится сыпь или не проснётся нормально — сразу ко мне. Через два часа вернуться или прислать кого-то сказать, как он.

Даша смотрела на неё, словно та говорила на языке налоговых требований.

— А сколько платить?

Марина устала так, что хотела сесть прямо на пол.

— Медяк. И принести старую настойку, если дома ещё есть.

— Чтобы продали кому другому?

— Чтобы выбросить.

Даша ахнула. Ника тоже. Аграфена удовлетворённо хмыкнула.

— Горячка точно мозги переставила.

Когда женщина ушла, лавка стала ещё тише. На прилавке стоял первый медяк. Маленький, тусклый, с потёртым гербом.

Марина взяла его и положила в пустую коробку.

— Это касса? — спросила Ника.

— Это начало кассы.

— А если мальчик помрёт?

Марина посмотрела на дверь.

Этот вопрос был честным. В прежней жизни его задавали иначе: «Вы понимаете риски?», «Кто подписал отпуск?», «Почему не предусмотрели?» Здесь он звучал тонким девичьим голосом среди мокрых тряпок и гнилых настоек.

— Тогда мы будем знать, что сделали всё, что могли безопасно сделать. И запишем всё. Чтобы в следующий раз понимать больше.

— А если не помрёт?

— Тоже запишем.

Ника кивнула, будто это было заклинание.

К вечеру у Марины темнело в глазах. Аграфена заставила её съесть похлёбку, принесённую из булочной, и пригрозила ударить ложкой, если та начнёт спорить с едой. Ника устроилась на полу, перебирая пустые склянки. В печке потрескивали щепки. Лавка всё ещё пахла ужасно, но под гнилью уже проступало мыло.

Почти победа.

Потом в дверь постучали.

Не робко, как покупатель. Не кулаком, как кредитор. Два удара. Пауза. Ещё один.

Аграфена перестала жевать.

Ника быстро встала.

Марина вытерла руки о фартук.

— Мы закрыты.

Дверь открылась.

На пороге стоял мужчина в тёмном дорожном плаще, присыпанном снегом. Высокий. Плечистый. Не красивый в мягком смысле — скорее собранный из линий, которые не спрашивают разрешения. Тёмные волосы у висков были влажными. На левой брови тонкий старый шрам рассекал кожу, словно кто-то когда-то пытался стереть его взгляд и не справился.

Глаза казались серыми. Потом он шагнул ближе, и Марина увидела в них жёлтый отблеск.

В лавке стало очень тихо.

Мужчина снял перчатку. Медленно. Так, что этот простой жест почему-то заставил Нику отступить к стене.

— Госпожа Радомирская, — сказал он.

Голос низкий, ровный. Не громкий. От этого опаснее.

— Следователь Руд, — ответила Марина, хотя никто его не представил.

Он посмотрел на корзины у двери. На выброшенные травы. На чистые склянки. На книгу учёта, раскрытую на первом заполненном листе.

Потом на неё.

— Объясните, — сказал он, — с чего это вы вдруг начали разбираться в ядах.

Аграфена тихо выругалась себе под нос.

Марина почувствовала усталость, боль в ногах, страх, который не хотел называться страхом. И ещё раздражение. Оно поднялось первым.

— Добрый вечер тоже подойдёт для начала, следователь.

Шрам над его бровью едва заметно дрогнул.

Не улыбка. Но что-то рядом.

— У нас в Сухолесье вечера редко бывают добрыми.

— Тогда вам особенно стоит тренироваться.

Он вошёл без приглашения. Снег с его сапог растаял на только что вымытом полу.

Марина посмотрела вниз.

— Пол я мыла два часа.

— А лавку ваш муж пачкал несколько лет.

— Муж умер. Пол остался.

Секунду он молчал.

Потом медленно закрыл дверь за собой.

Глава 3. Следователь с волчьими глазами

Савелий Руд не спешил.

Люди, которым есть куда торопиться, обычно шумят. Скрипят сапогами, бросают перчатки, требуют стул, место, ответы, уважение. Следователь Руд вошёл в лавку, словно место само должно было понять, как ему стоять вокруг него. Он осмотрел полки, корзины, печь, прилавки, мокрые тряпки у ведра, потом задержался взглядом на Нике.

Девочка тут же нашла важное дело в подсобке и исчезла.

Аграфена осталась. Скрестила руки на груди. Широкая, хлебная, упрямая. Хорошая женщина, решила Марина. Не мягкая. Мягкие в таких городках быстро становятся удобными.

— Госпожа Крупина, — сказал Савелий, не поворачивая головы. — Вам домой.

— А если не пойду?

— Тогда будете свидетелем официального осмотра.

— И что?

— Потом три раза явитесь в канцелярию, подпишете протокол, выслушаете писаря Нестора, дадите показания под печать и заплатите штраф за оскорбление следствия, потому что до конца второго часа непременно назовёте меня ощипанным волком.

Аграфена прищурилась.

— Я бы сказала «облезлым».

— В протоколе разница несущественна.

Марина не удержалась. В уголке рта что-то дрогнуло.

Савелий заметил. Быстро, как хищная птица замечает движение в траве. Взгляд скользнул к её губам и сразу вернулся к глазам.

Аграфена фыркнула.

— Ладно. Но если она опять упадёт, я приду и буду шуметь.

— Вы и без повода это делаете.

— Зато город знает, что жив.

Она забрала пустое ведро, бросила Марине: «Запрись после него» — и вышла. Дверь закрылась. В лавке остались Марина, следователь и запах мокрой шерсти, который появился неясно откуда. Не от плаща. От него самого, подумала Марина. Тёплый, звериный, но не грязный. Лес после снега. Сухая хвоя. Кожа.

Она тут же разозлилась на себя за такие наблюдения.

— Ника, — позвала она, не отводя взгляда от Савелия. — Остайся в подсобке, но дверь не закрывай.

— Я уже там, — пискнули из-за стены.

— И ничего не трогай грязными руками.

— Они чистые!

— Тогда не трогай чистыми.

Савелий чуть наклонил голову.

— Вы распоряжаетесь иначе.

— Чем кто?

— Чем раньше.

Опасный вопрос. Марина взяла книгу учёта и положила перед ним на прилавок.

— После горячки люди иногда пересматривают отношение к грязи.

— К грязи, — повторил он.

— К ней, к плесени, к неизвестным жидкостям в склянках без подписей. Хотите полный список? Я начала его составлять.

— Я хочу понять, почему вы уничтожаете возможные улики.

Марина замерла.

Вот теперь разговор стал настоящим.

— Испорченные травы и протухшие настойки угрожают покупателям.

— А также могут объяснить смерть вашего мужа.

— Могли. Если бы были описаны, опечатаны и изъяты вовремя. Насколько я понимаю, смерть произошла не сегодня.

Его лицо почти не изменилось. Только глаза стали внимательнее.

— Вы помните дату?

— Я помню бумаги.

— Удобно.

— Неудобно как раз то, что в этих бумагах нет нормального акта изъятия содержимого лавки.

Савелий снял вторую перчатку. Пальцы у него были сильные, с короткими ногтями, на костяшках — старые белые следы. Он положил перчатки на прилавок, аккуратно, рядом с книгой. Почему-то этот порядок не успокаивал.

— Вы обвиняете следствие в халатности?

— Я задаю вопрос.

— В вашем положении вопросы опасны.

— В моём положении опасно пить из любой склянки в этой лавке. Остальное пока терпимо.

Из подсобки донеслось тихое «ой». То ли Ника ударилась, то ли оценила наглость.

Савелий молчал. Марина впервые заметила, что он почти не моргает, когда слушает. Неприятная привычка. Словно он не просто слышал слова, а снимал с них кожу.

— Осмотр проводился после смерти мастера Радомирского, — сказал он наконец. — Часть материалов изъята. Часть оставлена, потому что вдова возражала против полного закрытия лавки.

Марина не знала, возражала ли настоящая Лидия. Возможно. Возможно, ей было страшно остаться без последнего источника денег. Возможно, она уже что-то искала.

— Вдова была в состоянии оценить риск?

— Тогда вы утверждали, что да.

Марина медленно вдохнула.

— После горячки я утверждаю иное.

Он подошёл к первой корзине. Наклонился, не касаясь, вдохнул. Почти незаметно сморщил нос.

— Это в брак?

— Да.

— Половина ещё пригодна.

— Для чего? Для убийства соседей?

— Для опытного травника.

— Опытный травник подписывает сырьё.

Савелий посмотрел на неё через плечо.

— Ваш муж не подписывал.

— Мой муж мёртв, следовательно. И чем дальше я смотрю на его работу, тем меньше удивляюсь.

Слова вышли резче, чем нужно. Но сожаления не было. В комнате будто что-то сдвинулось. Савелий выпрямился. Его взгляд задержался на чёрной ленте в её волосах, потом на следе от кольца.

— Не самая скорбная фраза вдовы.

— Скорбь не обязана мешать санитарной обработке.

В подсобке что-то глухо упало.

— Ника, — сказала Марина.

— Это не я! То есть я, но оно само!

Савелий вдруг отвернулся к полке. Может, чтобы скрыть выражение лица. Может, просто нашёл там что-то важное. Марина не успела понять.

Он взял одну из склянок, оставленных во второй корзине. Ту, где жидкость была почти прозрачной, но на дне лежала тонкая чёрная пыль.

— Почему это не выбросили?

— Не знаю состав. Отдельный цвет осадка. Нужна проверка.

— Вы умеете проверять?

— Я умею не нюхать неизвестное прямо из горла склянки. Уже преимущество.

Он поставил склянку обратно.

— Откуда?

— Что?

— Умение.

Марина опёрлась руками о край прилавка. Дерево было шершавым, ещё влажным после мытья.

Вот он. Вопрос, который будет возвращаться. Снова и снова, пока она не придумает ответ прочнее собственной растерянности.

— Я читала книги мужа.

— Какие?

— Те, что не забрали вы.

— Назовите.

— Вы проверяете память больной женщины или пытаетесь найти повод забрать остатки имущества?

— Хочу понять, кто передо мной.

— С владелицей лавки.

— С Лидией Радомирской?

Слишком тихо.

Марина почувствовала, как под кожей прошёл холод. Не от окна. От точности.

Он не знал. Не мог знать. И всё равно смотрел так, будто заметил щель между именем и человеком.

Она подняла подбородок.

— А вы ожидали кого-то другого?

Савелий сделал шаг ближе.

Немного. Всего один. Но лавка сразу стала меньше. Между ними остался прилавок, книга учёта, перчатки, три склянки и воздух, который почему-то мешал дышать.

— Я ожидал вдову, которая три месяца боялась собственной тени, — сказал он. — Женщину, которая не смотрела в глаза, отвечала шёпотом и держалась за рукав мужа даже после его смерти. Сегодня я вижу хозяйку, которая выбрасывает товар, спорит со следствием и требует документы.

Марина медленно сложила руки.

— Горячка была сильной.

— Вижу.

— Люди меняются.

— Не так.

Его голос не стал громче. Он просто убрал из него всё лишнее.

Марина поняла: если сейчас начать оправдываться, он вцепится. Если нападать — тоже. Нужен факт. Факты всегда держатся дольше эмоций.

Она раскрыла книгу учёта.

— Сегодня в лавку пришёл ребёнок с жаром. Ему до этого дали старую настойку неизвестного состава. Я запретила повторную дозу, приготовила слабый настой из холодницы, записала имя, возраст, симптомы и время приёма. Если ваша прежняя Лидия этого не делала, поздравляю. Новая полезнее для города.

Савелий смотрел на страницу.

Почерк Ники был крупный, неровный. Там значилось: «Даша, сын Петрик, пять зим. Жар со вчера. Давали настой мастера. Теперь холодница слабая. Вернуться через два часа».

— Холодница не сбивает сильную огневицу.

— Зато не добивает печень.

Он снова посмотрел ей в лицо.

— Печень?

Она замолчала на полсекунды. Ошибка. Слово могло быть чужим местной медицине. Но Савелий не удивился. Значит, орган известен. Хорошо.

— Вы пришли арестовать меня за уборку?

— Пока нет.

— Тогда что вам нужно?

Он вынул из внутреннего кармана сложенный лист.

— Подтвердить перечень изъятого. И забрать книгу мастера Радомирского, если она здесь.

Марина протянула руку.

— Покажите распоряжение.

Он не отдал лист сразу. Его взгляд упал на её ладонь. Чужая ладонь, тонкая, покрасневшая от мыла. На указательном пальце — свежий порез от разбитой склянки. Марина забыла о нём. Теперь вспомнила, потому что Савелий смотрел слишком внимательно.

— Вы порезались.

— Удивительно, учитывая количество битого стекла.

— Промойте.

— Спасибо за совет.

Он поднял глаза. В них снова мелькнул этот жёлтый отблеск. Не свет лампы. Свой.

— Промойте, — повторил он. — В этой лавке даже пыль могла бы дать показания.

Марина хотела ответить. Резко. Наверное, зря.

Но в этот момент из подсобки появилась Ника с тряпкой.

— Я могу промыть, госпожа.

— Можешь принести кипячённую воду и чистую ветошь.

— Чистая закончилась.

— Тогда ту, которая ближе всего к чистой.

Ника исчезла.

Савелий положил распоряжение на прилавок. Марина прочитала. Бумага давала ему право изымать записи, относящиеся к делу о смерти Олега Радомирского и незаконном обороте редких ингредиентов. Подписи, печать, дата. Всё чисто. Почти.

— Книга в доме, — сказала она.

— Где именно?

— В нижнем ящике стола. Под налоговыми бумагами. Я не успела её прочитать.

— Вы должны были сообщить о ней сразу.

— Я очнулась сегодня утром в чуж... — она остановилась.

Савелий ждал.

— В чужом бардаке, — закончила Марина. — Приоритеты пришлось расставлять быстро.

— Я пришлю стражника.

— Нет.

Он медленно поднял бровь.

— Нет?

— Вы пойдёте сами. Или я пойду с вами. Я не отдам неизвестному стражнику единственную книгу, которая может объяснить, почему мой муж умер, а на меня смотрят как на ведьму с ложкой.

— На вас так смотрят не из-за ложки.

— Тем более.

Савелий молчал. Потом взял перчатки.

— Через час я зайду за книгой. Вы останетесь здесь.

— Я пойду с вами.

— Нет.

— Следовательно, у меня от этой книги зависит, возможно, жизнь.

— Именно поэтому вы останетесь там, где есть свидетели.

Эта фраза прозвучала иначе. Не приказ. Предупреждение.

Марина посмотрела на него внимательнее.

— Мне угрожают?

— Вам всегда угрожали. Вы просто начали замечать.

Он подошёл к двери. Уже взялся за ручку, но остановился.

— И ещё. Не выбрасывайте больше ничего без описи.

— Тогда пришлите человека, который поможет описывать.

— У меня нет людей для уборки вашей лавки.

— У меня тоже. Но я хотя бы не называю это следствием.

Теперь он действительно почти улыбнулся. Очень слабо. Одним краем рта. Улыбка не делала его добрее. Скорее наоборот. Становилось понятно, что при желании он умеет нравиться, но давно решил не тратить это на город.

— Осторожнее, госпожа Радомирская.

— С грязными склянками?

— Со мной.

Слова повисли между ними.

Ника в подсобке перестала шуршать. Даже печка будто треснула тише.

Марина могла бы отвести взгляд. Прежняя Лидия, видимо, отвела бы. Но Марина устала, замёрзла и слишком ненавидела, когда мужчины с полномочиями говорили, словно мир уже лёг им под сапоги.

— Тогда не стойте на вымытом полу в грязной обуви, — сказала она.

Савелий посмотрел вниз.

Снег с его сапог растаял двумя тёмными лужами.

Пауза стала длинной.

Потом он открыл дверь и вышел.

Холодный воздух ворвался в лавку, шевельнул этикетки, которые Ника пыталась сушить на верёвке. Марина смотрела на закрывшуюся дверь, пока не поняла, что сжимает край прилавка так сильно, что побелели костяшки.

— Он вас не съел, — сказала Ника из подсобки.

— Это у вас тут считается хорошим знаком?

— С оборотнями — да.

Марина повернулась.

— С кем?

Ника высунулась в дверной проём. Глаза блестели.

— Вы правда не помните?

Марина медленно взяла тряпку, принесённую девочкой, и обмотала порезанный палец.

— Допустим, после горячки у меня пробелы.

— Следователь Руд из волчьих. Не простой, а служилый. Они людей не едят. Обычно.

— Утешительно.

— Он страшный, но справедливый. Так говорят.

— Кто говорит?

— Те, кого он не посадил.

Марина снова посмотрела на дверь.

За ней, на улице, следы Савелия быстро заполнялись снегом. Но мокрые пятна на полу остались. Две тёмные отметины на свежевывмытых досках.

Она взяла мел и на отдельной доске написала:

«Правило первое: всё неизвестное считать опасным.

Правило второе: всё опасное подписывать.

Правило третье: следователь Руд снимает грязную обувь».

Ника прочитала и зажала рот ладонью.

— Вы это оставите?

Марина посмотрела на надпись.

Потом вздохнула.

— Нет. Третье сотри.

— Жалко.

— Мне тоже.

Она отвернулась к полкам, но почему-то ещё долго чувствовала на коже тот самый взгляд. Тяжёлый, внимательный, с жёлтым отблеском. Взгляд человека, который уже понял: она не та женщина, за которую себя выдаёт.

И, возможно, пока не решил, что с этим делать.

Глава 4. Первый ГОСТ

Утром лавка встретила Марину честнее, чем люди.

Люди умели прятать грязь под словами. Лавка не умела. Она показывала всё сразу: пятна на досках, налёт на горлышках, мешки без бирок, полку с корнями, где ночью, кажется, снова прошуршала мышь. После вчерашней уборки стало не чище. Стало виднее, сколько ещё работы.

Марина стояла посреди этого бедствия с кружкой кипятка в руках и думала, что иногда надежда выглядит как мокрая тряпка.

Ника пришла рано. Точнее, она, похоже, никуда далеко не уходила. Вынырнула из подсобки с сонным лицом, в старой шали, с соломинкой в волосах.

— Ты здесь ночевала?

Девочка замерла.

— Не украла ничего.

— Я спросила не это.

— Там теплее, чем в сарае у красильни.

Марина посмотрела на неё. На тонкие запястья, на покрасневший нос, на привычку ждать удара даже от обычного вопроса. В груди что-то неприятно сжалось.

Она не любила, когда внутри становилось мягко. Мягкость мешала принимать решения. Но иногда решение как раз из неё и росло.

— Будешь ночевать здесь — ночуй на лежанке, а не на мешках. И перед сном мой руки.

Ника хлопнула глазами.

— Это разрешение?

— Это санитарное требование.

— А еда?

— За работу — да.

Девочка стояла ещё секунду, словно ждала, когда фраза обернётся насмешкой. Не обернулась. Тогда она кивнула так резко, будто подписала договор кровью.

— Я умею резать корни, толочь сухие ягоды, бегать на рынок, отличать лунник от лопуха, если он не мокрый, и плевать дальше мальчишек с Рыбной улицы.

— Последнее в обязанности не входит.

— А если гильдейские придут?

— Тогда обсудим.

Марина поставила кружку и достала вчерашнюю доску. На ней остались два правила. Третье Ника стёрла не до конца: от слов «Руд снимает» на дереве виднелась призрачная полоска мела. Марина решила не замечать.

— Сегодня вводим порядок.

— Мы вчера его вводили.

— Вчера мы боролись за выживание. Сегодня начинаем систему.

Ника вздохнула с уважительным ужасом.

— Это хуже?

— Это дольше.

К полудню на стене висели пять листов.

Первый: «Чистая тара».

Второй: «Сырьё принято».

Третий: «Сырьё под вопросом».

Четвёртый: «Брак».

Пятый Марина переписывала три раза, потому что название должно было быть таким, чтобы местные не воспринимали его как личную прихоть вдовы.

«Правила качества» звучало слишком слабо.

«Обязательный порядок лавки» — слишком вызывающе.

«Санитарные требования» Ника прочитала как заклинание от поноса и сказала, что покупатели испугаются.

В конце Марина написала крупно:

«ГОСТ — Городской Образец Снадобий и Трав».

Ника читала по слогам.

— Го-о-ст. Звучит как маленький злой дух.

— Отлично. Пусть боятся.

— А что это значит?

— Что каждое снадобье, которое выходит из лавки, должно иметь понятный состав, дату приготовления, имя того, кто готовил, способ применения и предупреждения.

— Предупреждения?

— Кому нельзя. Детям, беременным, людям с чувствительностью к магии, после крепкого вина, перед дорогой.

Ника нахмурилась.

— А если они всё равно выпьют?

— Тогда у нас будет запись, что мы предупреждали.

— Записи у вас как обереги.

— Лучше. Обереги иногда врут.

Первые посетители отнеслись к ГОСТу как к заразе.

Старик с тростью пришёл за растиркой для коленей и возмутился, когда Марина спросила, сколько ему лет, что он уже принимает и нет ли язв на коже.

— Да я у мастера Олега двадцать лет брал! — возмущался он. — Он мне просто наливал!

— Поэтому теперь я спрашиваю.

— У меня колени болят, а не память.

— Тогда вы должны помнить, когда они начали болеть.

Старик ушёл, хлопнув дверью, но через десять минут вернулся, буркнул возраст и признался, что мажет колени ещё и керосиновой настойкой кузнеца. Марина запретила смешивать. Старик назвал её занудой. Купил растирку.

Женщина в синем платке попросила «капли от сердца». Марина спросила, какие боли, когда, после еды или после ссоры. Женщина обиделась и заявила, что сердце у неё честное, просто муж дурак. Марина продала ей успокаивающий сбор и велела прийти, если появится боль в груди, отдающая в руку. Женщина побледнела и спросила, не ведьма ли Лидия теперь. Ника гордо ответила:

— Нет, у нас ГОСТ.

Это не помогло.

К обеду у двери появилась новая надпись углём: «Вдова травит по бумажке».

Ника увидела первой. Втянула воздух.

— Я сотру.

— Нет.

— Почему?

Марина вышла на крыльцо. Воздух был колючий, на улице пахло дымом и конским потом. Через дорогу сапожник сделал вид, что чинит сапог, хотя держал его подошвой вверх. У соседней стены две женщины перестали говорить.

Марина посмотрела на надпись. Кривые буквы. Писал взрослый или очень злой подросток. Уголь ещё пачкал пальцы.

— Потому что рядом мы напишем своё.

Она взяла мел и ниже, на чистой доске, вывела:

«В этой лавке снадобья подписывают.

Если вам всё равно, что пить, вам не сюда».

Сапожник уронил сапог.

Женщины через дорогу зашептались.

Ника сияла, словно Марина на их глазах победила дракона ложкой.

— А если разобьют окно?

— Тогда запишем убыток.

— И всё?

— Нет. Потом найдём, кто разбил.

Из-за угла донёсся тихий смешок. Марина повернулась, но увидела только край тёмного плаща, исчезнувший за лавкой сапожника.

Савелий?

Сердце сделало странный короткий толчок. Марина тут же рассердилась на сердце. Ему было поручено качать кровь, а не вести себя как девочка на ярмарке.

После обеда вернулась Даша с мальчиком. Петрик уже не горел так сильно, хотя был слабый и капризный. Марина проверила его, записала изменения. Даша положила на прилавок старую настойку мастера Олега, завернутую в тряпку.

— Я не дала больше.

— Хорошо.

— Он ночью просил пить. Я давала воду, как вы сказали.

— Очень хорошо.

Женщина мялась.

— Соседка говорит, что если жар выходит потом, нельзя поить, а то обратно загонит.

Марина зажмурилась на мгновение.

— Соседку зовут?

— Прасковья.

— Прасковью не слушать.

— Она троих вырастила.

— А сколько похоронила?

Даша побледнела.

Марина выдохнула. Слишком резко. Человек перед ней не виноват, что мир состоит из суеверий, плохой воды и уверенных соседок.

— Простите. Слушайте. Когда жар — вода нужна. Мало, часто. Если ребёнок не пьёт, это опасно. Если потеет — менять сухое. Не кутать до удушья. Вот.

Она написала простую памятку крупными буквами. Ника смотрела, как на волшебство.

— Вы ему поможете? — спросила Даша.

— Уже помогаете вы. Я только сказала, как.

На лице женщины что-то дрогнуло. Усталость, страх, надежда. Она кивнула, забрала мальчика и памятку. На пороге остановилась.

— А можно я соседке покажу?

— Нужно.

После её ухода Ника шёпотом спросила:

— Вы теперь будете писать людям, как жить?

— Нет. Как не умирать от глупости.

— Это почти одно и то же.

Марина не нашла, что возразить.

Ближе к вечеру пришёл писарь Нестор. Он принёс копию акта и имел вид человека, который хотел купить что-нибудь от тревожности, но стеснялся. Марина посадила его за прилавок и заставила читать вслух формулировки.

Из акта следовало, что после смерти мастера Радомирского следствие изъяло «три книги, семь склянок, два мешка неизвестного сырья, печать, нож с костяной ручкой и медный сосуд с остатками тёмного состава». Оставленное имущество не описано подробно «в связи с возражениями вдовы».

— Я возражала письменно? — спросила Марина.

Нестор замялся.

— В протоколе указано устное возражение при свидетелях.

— Свидетели?

— Мастер Глистин от податной службы и господин Тимон Ларь.

— Кредитор и налоговый сборщик. Как удобно.

Нестор втянул голову в плечи.

— Я только переписываю.

— Тогда перепишите мне список изъятого отдельно. С датами и местом хранения.

— Это не положено без разрешения следователя.

— Тогда я официально прошу разрешение через вас.

— Через меня?

— Вы писарь. Через кого ещё просить бумагу, через сапожника?

Нестор покраснел, но записал.

Когда он ушёл, Марина почувствовала, что силы заканчиваются. Тело Лидии напоминало плохой складской стеллаж: вроде стоит, но лучше не класть лишнего. Руки болели, голова гудела. В лавке стало сумрачно. Ника зажгла лампу. Жёлтый свет лёг на чистые склянки, выстроенные у стены.

И впервые место стало похоже не на яму с долгами, а на начало дела.

Маленькое. Хрупкое. Смешное на фоне гильдий, налогов и оборотней.

Но дело.

В дверь снова постучали.

Марина почти сказала «закрыто», но Ника уже выглянула в окно и выпрямилась.

— Следователь.

— Конечно, — пробормотала Марина. — Кто же ещё вечером ходит в аптеку без болезни.

Савелий вошёл, на этот раз остановившись у порога. Посмотрел на пол. Потом на Марину.

И снял сапоги.

Ника издала звук, похожий на подавленный писк. Марина медленно подняла брови.

— Впечатляющий уровень уважения к санитарным требованиям.

— Вы написали правило?

— Стерла.

— Плохо стерли.

Он прошёл в лавку в носках. Чёрных, сухих, заштопанных у пятки. Вид следователя по особым делам без сапог должен был быть нелепым. Почему-то не был. Он всё равно занимал собой пространство, просто теперь делал это на чистом полу.

— Книгу забрали? — спросила Марина.

— Да.

— И?

— Ваш муж вёл записи шифром.

— Разумеется.

— Вы умеете читать его шифр?

— Я сегодня научила город слову ГОСТ. Дайте мне день.

Савелий подошёл к стене, где висели листы. Прочитал. На «предупреждениях» задержался.

— Беременным нельзя полынную настойку?

— В больших дозах — нельзя.

— Раньше её давали от слабости.

— Раньше у вас, судя по лавке, много что делали.

— У нас?

Марина поняла ошибку. Она слишком часто отделяла себя от этого мира.

— В этом городе, — поправила она.

Савелий повернулся. В ламповом свете его глаза снова были почти обычными. Почти.

— Вам не нравится Сухолесье.

— Я с ним только знакомлюсь.

— Обычно знакомство начинается не с вывешивания правил.

— У меня редкий дар портить первое впечатление пользой.

Он посмотрел на надпись у двери, ту самую, про снадобья по бумажке. Видимо, увидел и ответ Марины. Угол его рта дрогнул.

— Это вы зря оставили.

— Почему?

— Теперь будут читать.

— На это и расчёт.

— Будут злиться.

— Тоже расчёт.

Он изучал её так внимательно, что Марина захотела поправить волосы, платье, лицо, всю свою нелепую новую жизнь. Вместо этого она взяла с прилавка чистую склянку и начала протирать её сухой тканью.

— Вы пришли предупредить меня о надписях?

— Я пришёл вернуть это.

Он положил на прилавок небольшой предмет, завернутый в серую ткань.

Марина развернула.

Журнал. Пустой. Хорошая бумага. Обложка из плотной кожи, без пятен, без плесени, без чужих ошибок.

— Для чего?

— Для ваших записей. Старые книги пока останутся у следствия.

Она провела пальцами по обложке. Вещь была нужной. От этого принимать её было неприятно.

— Это подарок?

— Имущество, временно переданное под расписку.

— Прекрасно. Расписку напишем.

— Я уже написал.

Он достал лист.

Марина посмотрела на него, потом на лист, потом снова на него.

— Вы всегда так заботливо лишаете людей повода отказаться?

— Только подозреваемых.

— Как мило.

— Я редко бываю мил.

— Заметила.

Пауза вдруг стала совсем не деловой. Ника за прилавком делала вид, что перебирает склянки, но уши у неё едва не светились от старания слушать.

Марина взяла перо.

— Диктуйте.

Савелий наклонился чуть ближе, чтобы видеть строку. От него пахло снегом, кожей и чем-то тёплым, диким. Марина писала ровно. Почти. На слове «временно» перо царапнуло бумагу.

Он заметил.

Конечно, заметил.

— Рука болит?

— Нет.

— Врёте.

— Вы пришли как следователь или как врач?

— Как человек с глазами.

Она подняла на него взгляд.

Близко.

Он стоял по другую сторону прилавка, но наклон стёр половину расстояния. Шрам над бровью казался глубже в тёплом свете. На подбородке темнела щетина. Взгляд держался на её лице дольше, чем требовала расписка.

Ника уронила склянку. К счастью, пустую.

Марина отодвинулась первой.

— Ника.

— Она сама.

— Склянки не обладают волей.

— В этой лавке я бы не зарекалась, — сказал Савелий.

Марина не хотела улыбаться. Не улыбнулась. Почти.

Когда он ушёл, сапоги снова оставили на пороге тающий снег, но в лавке стало почему-то теплее. Марина ругала себя за эту мысль, пока закрывала дверь, проверяла засов и ставила пустой журнал на полку.

На первой странице она написала:

«ГОСТ. Журнал партий. День первый».

Ниже:

«Цель: выпускать снадобья, от которых людям становится лучше, а не просто тише».

Она посмотрела на фразу, подумала, что слишком пафосно, и хотела зачеркнуть.

Не зачеркнула.

Ника уже дремала на лежанке в подсобке. В печке догорали угли. За окном Сухолесье ворочалось во сне, скрипело ставнями, кашляло в тёмных домах, прятало свои яды и долги под снегом.

Марина закрыла журнал.

Завтра будет хуже. Обязательно. Так обычно и бывает, когда начинаешь делать правильно.

Но сегодня в лавке стояли вымытые склянки.

Иногда цивилизация начиналась именно с этого.

Глава 5. Мазь от ушибов

Савелий Руд появился через два дня и попытался купить мазь, будто это было обычное дело.

К тому моменту Марина успела возненавидеть три местных корня, один вид плесени, налоговую терминологию Сухолесья и слово «всегда». Его произносили все. Всегда так сушили. Всегда так толкли. Всегда давали по полной ложке. Всегда хранили в синей склянке. Всегда помогало.

В прежней жизни «всегда» тоже любили. Особенно сотрудники, которые не открывали инструкцию со дня её утверждения.

Утро выдалось морозным. На окнах лавки выросли белые узоры, похожие на папоротник. Печь дымила, пока Ника не ткнула в заслонку кочергой и не сообщила, что печь «любит, когда с ней грубо». Марина решила не спорить с местной техникой.

На прилавке сушились новые этикетки. На полке стояли первые семь склянок, подписанные по ГОСТу. Это была не партия мечты. Скорее партия отчаяния, но с хорошей маркировкой. Растирка для коленей. Мягкий сбор при простуде. Слабая настойка от желудочных спазмов. Простая мазь от ушибов на жирной основе с тёплой травой, которую местные называли синячником.

Синячник пах смолой, перцем и старым сундуком. Ника клялась, что если приложить лист к лбу, можно вспомнить забытое имя. Марина проверять не стала. Её и так хватало чужих имён.

Она записывала расход масла, когда дверь открылась.

Колокольчик над входом, найденный в ящике и отмытый до слабого звона, дрогнул.

Савелий остановился у порога.

Сапоги снял.

Марина подняла глаза.

— Вы обучаемы. Это ценно.

— Не распространяйте по городу.

— Боитесь испортить репутацию?

— Боюсь очереди из людей, которые захотят проверить, где ещё я обучаем.

Ника за полкой кашлянула в кулак. Очень неубедительно.

Савелий прошёл к прилавку. Сегодня он был без плаща, в тёмном кафтане, застёгнутом до горла. Волосы влажные от снега. На скуле — свежий синяк, тёмный у края, красный ближе к кости. Двигался он ровно, но слишком осторожно для человека, который хотел казаться невредимым.

Марина положила перо.

— Следственные действия прошли удачно?

— Относительно.

— Это когда второй выглядит хуже?

— Это когда второй может дать показания.

— А вы?

— Я тоже могу.

— В суде или врачу?

Он посмотрел на полку.

— Мне нужна мазь от ушибов.

— Вам нужна лавка травника или повод?

Слова вылетели раньше, чем она успела их остановить.

Ника за полкой перестала дышать.

Савелий перевёл взгляд на Марину. Очень медленно.

— Повод для чего?

Вот и всё. Либо отступить, либо идти дальше. Марина не любила отступать, когда уже сказала лишнее. Это портило статистику.

— Чтобы снова осмотреть лавку.

— Я следователь. Для этого мне повод не нужен.

— Значит, мазь.

— Значит, мазь.

Он сказал это ровно. Но в уголке рта жила тень. Не улыбка. Намёк, от которого почему-то стало жарче, чем позволяла печь.

Марина взяла баночку.

— Куда наносить?

— Я справлюсь.

— Без осмотра я не продаю. Новое правило.

— У вас много новых правил.

— Старые плохо работали. Где ушиб?

— Ребро.

— Тогда тем более осмотр.

Он молчал.

Ника медленно подняла голову из-за полки, как мышь из мешка.

— Мне выйти?

— Тебе — считать пустые склянки в подсобке, — сказала Марина.

— Я уже считала.

— Считай ещё раз. Вдруг они размножились.

Ника ушла с видом человека, которому запрещают историческое событие.

Савелий не двигался.

— Госпожа Радомирская, — сказал он наконец, — оборотни заживают быстро.

— Тогда зачем мазь?

Пауза.

— Болит.

Одно слово. Без украшений. Без попытки сделать его легче.

Марина почувствовала, как раздражение сместилось. Не исчезло. Просто рядом с ним встало другое чувство. Профессиональное внимание. И что-то личное, чему названия она давать не собиралась.

— Снимайте кафтан.

Он посмотрел на дверь.

— Здесь?

— Могу предложить улицу, но там холодно.

— Вы всегда такая?

— Какая?

— Невозмутимая.

Марина открыла баночку и понюхала мазь. Синячник, жир, капля согревающей настойки. Состав ровный.

— Нет. Иногда я сплю.

Савелий издал короткий звук. Почти смех, но ниже. Горло у Марины почему-то пересохло.

Он расстегнул кафтан.

Делал он это без суеты, и всё равно каждый звук крючка казался громче, чем должен. Марина заставила себя смотреть как специалист. Плечо, ключица, рубашка из плотного серого

полотна. На правом боку ткань была темнее. Он не снял рубашку, только потянул край вверх, открывая ребра.

Синяк оказался большим.

Не тот маленький повод, который она ожидала. Широкий тёмный след от удара, уходящий под лопатку. На коже — царапина, уже затянувшаяся красной линией. Тепло от него шло ощутимое, почти печное.

Марина выдохнула медленнее, чем хотела.

— Это не ушиб. Это хороший привет от чего-то тяжёлого.

— Дубина.

— У дубины был хозяин?

— Был.

— С показаниями?

— Теперь да.

Она поставила баночку на стол.

— Сядьте.

— Не нужно.

— Следовательно, я сейчас скажу вещь, которая может вас удивить. Если вы пришли за лекарством, придётся терпеть лечение.

Его взгляд скользнул по её лицу. Потом он сел на стул у печки. Стул жалобно скрипнул, но выдержал.

Марина вымыла руки. Тёплая вода в тазу быстро остыла. Она вытерла пальцы чистой тканью, взяла мазь и подошла.

С близкого расстояния Савелий пах иначе. Не снегом и кожей, как у двери. Теплее. Глубже. Лесом, зверем, железом свежей крови под уже закрытой раной. Марина мысленно приказала себе прекратить каталогизацию запахов мужчины и заняться ребром.

— Будет холодно.

— Оборотни не боятся холода.

— Я предупреждаю не потому, что вы боитесь. А потому, что так положено.

— По ГОСТу?

— Именно.

Она нанесла мазь двумя пальцами.

Савелий не вздрогнул. Совсем. Но кожа под её пальцами напряглась. Мышца у ребра стала твёрдой. Марина заметила. Как и он заметил, что она заметила.

Пальцы двигались медленно, распределяя мазь по краю синяка. Профессионально. Правильно. Без лишнего давления. И всё равно каждый круг казался слишком долгим.

— Больно?

— Терпимо.

— Я спросила не про вашу гордость.

— Больно.

— Лучше.

— Боль лучше?

— Честность.

Он смотрел не на синяк. На неё.

Марина чувствовала этот взгляд кожей. Он был тихим и тяжёлым, как плащ на плечах. Ей не нравилось, что она чувствует. Ей не нравилось, что не хочется отойти.

— Кто вас ударил? — спросила она, чтобы вернуть разговору кости.

— Человек, который продавал старые настойки Радомирского за Рыбной улицей.

Пальцы Марины остановились.

— Моего мужа?

— С его печатью.

— Вы его взяли?

— Да.

— И?

— Он говорит, что купил товар месяц назад. У перекупщика.

— Имя?

— Пока молчит.

Марина продолжила наносить мазь. Уже сильнее. Савелий тихо втянул воздух.

— Простите.

— Ничего.

— Я сказала «простите» не потому, что вы можете умереть от мази, а потому что задумалась.

— Я понял.

— Сомневаюсь.

— Вы злитесь, когда думаете.

— Неправда.

— У вас пальцы становятся тяжелее.

Она отдернула руку.

На секунду тишина заполнила лавку целиком. За стеной Ника явно прижалась ухом к двери подсобки. На улице проехала телега. Колёса хрустнули по снегу.

Марина взяла ткань и вытерла край баночки.

— Готово. Наносить два раза в день. Не греть. Не перематывать туго. Если боль усилится при дыхании, придёте снова.

— Я и так пришёл.

— По делу.

— За мазью.

Она закрыла крышку.

— Конечно.

Он не спешил опускать рубашку. Или ей показалось, что не спешил. Марина повернулась к журналу и записала: «Мазь от ушибов. Следователь Руд. Ребро. Удар тупым предметом». Перо чуть зацепилось за бумагу на слове «ребро». Проклятье.

— Вы всех покупателей записываете? — спросил он.

— Да.

— Даже меня?

— Особенно вас. Вы склонны приходить с повреждениями и вопросами.

— Повреждения обычно чужие.

— Сегодня ваши.

Он застегнул кафтан. Движение далось ему хуже, чем он хотел показать. Марина увидела и промолчала. Иногда милосердие выглядело как отсутствие комментария.

Савелий подошёл к прилавку и положил монеты.

Лишнее.

Марина отсчитала монеты и подвинула обратно.

— Цена указана на полке.

— За осмотр.

— Осмотр входит в цену. Иначе люди начнут лечить табуретки.

Он поднял бровь.

— Табуретки?

— Если вы не показываете, что болит, я могу продать вам мазь для мебели. Она тоже скрипит.

Савелий посмотрел на неё долго. Потом взял лишние монеты.

— Ваши покупатели выдерживают этот тон?

— Слабые уходят к гильдейским.

— Сильные?

— Учатся читать этикетки.

Теперь он улыбнулся. Не полностью, но достаточно, чтобы лицо изменилось. Шрам остался, жёсткость осталась, усталость тоже. И всё равно на миг Марина увидела не следователя, не оборотня, не угрозу с полномочиями. Мужчину. Очень опасное открытие для женщины, которая только начала разбираться с долгами.

Она отвернулась первой.

— Вам нельзя сегодня работать.

— Поздно.

— Тогда хотя бы не деритесь.

— Это не всегда зависит от меня.

— Обычно мужчины говорят так, когда им нравится драться.

— А женщины?

— Женщины обычно заняты тем, что лечат последствия.

Савелий помолчал.

— Ваш муж тоже?

Холодно. Не в комнате — внутри.

Марина медленно закрыла журнал.

— Мой муж что?

— Оставлял последствия, которые лечили другие?

Вопрос был тихий. Но под ним лежало дело. Смерть. Печати. Старые настойки. Лидия, которая, возможно, боялась собственной тени.

Марина могла бы сказать, что не помнит. Могла сказать, что не его дело. Но утром Аграфена сказала: «Он был человеком, после которого в доме становилось холоднее». Этого хватало.

— Судя по тому, что я нашла в лавке, да.

— Вы говорите о нём как о чужом.

— Мёртвые часто становятся чужими быстрее, чем живые успевают привыкнуть.

Савелий смотрел внимательно. Слишком внимательно.

— Он вас бил?

Вопрос ударил не туда, куда должен был. Марина не знала ответа. Её тело, возможно, знало. Где-то под рёбрами шевельнулось старое, не её, сжатое. Рука сама легла на запястье, туда, где под рукавом виднелся едва заметный желтоватый след. Синяк почти сошёл.

Савелий увидел.

Его лицо стало неподвижным.

— Это не доказательство, — сказала Марина.

— Я не суд.

— Вы следователь. Почти хуже.

— Иногда.

Он протянул руку. Не быстро. Не касаясь. Просто ладонью вверх, словно просил показать запястье.

Марина посмотрела на эту руку.

Сильная. Тёплая, наверное. С короткими ногтями, с белыми следами старых ран. Рука человека, который мог сломать. И сейчас ждал разрешения.

Это ожидание почему-то оказалось труднее приказа.

Она не дала запястье.

Но и не отступила.

— Если мне понадобится врач, я обращусь.

— Я не врач.

— Вот именно.

Он опустил руку.

И в этот момент в лавку влетела Ника с таким видом, будто всё это время не слушала, а сражалась с пустыми склянками.

— Там Даша! Петрик просит кашу и ругается!

Марина резко повернулась.

— Температура?

— Меньше. Она сказала, лоб тёплый, но не горит. И он хотел встать, а она не дала.

Облегчение пришло тихо. Не радостью, а тем, как вдруг перестали давить плечи.

— Хорошо. Запиши в журнал наблюдений.

— Я? Сама?

— Да. Имя, время, состояние, что просил кашу. И что мать не дала встать. Это важно.

Ника кивнула и бросилась к журналу так торжественно, будто ей вручили ключ от города.

Савелий наблюдал за ней. Потом сказал:

— Вы оставите девочку?

— Если она захочет работать и учиться.

— У неё быстрые руки.

— Это плохо?

— Для карманов — да. Для лавки зависит от хозяйки.

Марина поняла.

— Она воровала?

— Еду. Мелочи. Иногда письма, если просили.

— Кто просил?

— Разные люди.

— Мой муж?

Савелий не ответил сразу. Этого было достаточно.

Марина глянула на Нику. Девочка старательно выводила буквы, нахмутив лоб. Слишком худая. Слишком готовая убежать. Слишком привычная к тому, что взрослые вспоминают о ней, когда нужно использовать.

— Здесь она будет писать журналы, — сказала Марина. — Не таскать письма.

— Вы уверены, что справитесь?

— Нет. Но это не повод отдавать ребёнка улице.

Он кивнул. Слабо. Будто это был ответ, который он хотел услышать, но не имел права просить.

Снаружи кто-то остановился у окна. Тень закрыла часть света. Потом двинулась дальше. Савелий сразу повернул голову. Весь стал другим. Собранным, тихим. Зверь под человеческой кожей поднял уши.

— Что?

— Ничего.

— Вы врётё хуже, чем я.

— Человек у окна. Ушёл.

Марина подошла к стеклу. На улице обычная жизнь: женщина с корзиной, мальчишка с поленом, сапожник, который опять слишком усердно не смотрел в их сторону. На снегу у окна следы. Большие. Свежие.

— За лавкой следят?

— С того дня, как вы начали выбрасывать товар, — сказал Савелий. — Некоторые люди не любят, когда старые склянки становятся мусором.

— Потому что в них яд?

— Потому что в них деньги.

Он взял со стула перчатки.

— Заприте заднюю дверь. Не оставайтесь вечером одна. Если придёт кто-то за настойками мастера Олега, записывайте имя и не продавайте.

— Вы думаете, его товар до сих пор ходит по городу?

— Я знаю.

— И вы говорите мне это сейчас?

Савелий остановился у порога, уже в сапогах.

— Вчера у меня не было продавца с печатью. Сегодня есть.

— И дубина.

— И дубина.

Марина скрестила руки.

— Мне нужен список опасных снадобий.

— Нет.

— Следовательно.

— Нет, — повторил он. — Если список попадёт не туда, товар спрячут лучше. Или принесут вам, чтобы посмотреть, что вы знаете.

— То есть я должна сидеть в лавке и ждать, пока ко мне придут с ядом?

— Вы должны продавать мазь от ушибов и не лезть в дело.

— Не получится. Дело уже лезет в мою лавку.

Он смотрел на неё так долго, что Ника перестала скрипеть пером.

— Вы не понимаете, чем рискуете.

Марина почувствовала, как поднимается знакомая злость. Та самая, которая помогала стоять перед комиссиями, проверками, начальством и людьми, уверенными, что женщина за прилавком должна быть удобной.

— А вы не понимаете, что я уже всё потеряла? Дом, имя, прошлое. Даже лицо в зеркале иногда кажется взятым взаймы. У меня остались лавка, девочка, которая спит на мешках, семь подписанных склянок и мальчик, который сегодня попросил кашу. Для меня этого достаточно, чтобы не отходить в сторону.

Тишина после этих слов стала такой плотной, что слышно было, как в печке осыпается уголь.

Савелий не спросил про лицо. Не спросил про прошлое. Но его взгляд изменился. В нём мелькнуло что-то острое, почти болезненное.

— Именно поэтому, — сказал он тихо, — я и говорю: осторожнее.

— С вами?

Он вспомнил их прошлый разговор. Она увидела.

— Со всеми, — ответил Савелий.

Потом вышел.

Колокольчик дрогнул.

Марина стояла за прилавком, пока холод от двери не растворился в тепле печки. Ника молчала целых полминуты. Для неё это было почти подвигом.

— Госпожа?

— Что?

— Он заплатил за мазь.

— Я видела.

— Но мазь оставил.

Марина посмотрела на прилавок.

Баночка действительно стояла там, где она её поставила. Маленькая, круглая, с аккуратной этикеткой: «Мазь от ушибов. Партия 1. Наносить тонко. Не греть».

За неё было заплачено. Осмотр проведён. Повод использован.

А мазь осталась.

Ника медленно улыбнулась.

— Он снова придёт.

Марина взяла баночку и поставила на отдельную полку.

— За своим имуществом.

— Конечно.

— И не смей так смотреть.

— Я смотрю как ученица. Наблюдаю реакцию.

— Запиши в журнал, что ученик получил первое предупреждение.

Ника засмеялась, и смех её был тонкий, неожиданно чистый. Лавка будто стала от него выше потолком.

Марина повернулась к полке, где стояли первые семь склянок. За окном снег ложился на следы у окна, прятал их понемногу, но не сразу. На двери всё ещё виднелись угольные слова про вдову и бумажки. Под ними белела её ответная надпись.

Она не знала этот мир.

Не знала, кто был Олег Радомирский, что прятали его книги, почему следователь-оборотень смотрит, словно слышит ложь под кожей. Не знала, сколько у неё времени до следующего удара.

Зато знала, что мазь нужно хранить в прохладе. Что ребёнку с жаром нужна вода. Что любая партия без даты — враг. Что чистые руки уменьшают беду, даже если мир полон магии, долгов и мужчин, которые приходят без повода.

Марина открыла журнал и написала:

«Партия 1. Мазь от ушибов. Один покупатель. Товар оставлен на хранение».

Подумала и добавила:

«Вероятность повторного визита высокая».

Потом зачеркнула последнее.

Чернила всё равно остались видны.

Марина посмотрела на зачёркнутую строку чуть дольше, чем следовало.

Не ждала. Не радовалась. Просто отмечала факт: в городе, где каждый второй приходил требовать, Савелий Руд заплатил за то, что мог забрать распоряжением, и оставил ей повод не забыть.

Глупо.

И опасно.

Значит, требовало наблюдения.

Глава 6. Налоговая недоимка

В лавке пахло мокрой древесиной, золой и горькой полынью. Сырость за ночь впиталась в половицы, в старые полки, в серую тряпку у порога, и теперь Марине казалось, что само помещение дышит на неё простуженно и недовольно.

Она стояла у прилавка с рукавами, закатанными выше локтя, и рассматривала склянки, выстроенные перед ней в три ряда.

Первый ряд — годится после промывки.

Второй — под сомнением.

Третий — уничтожить без права помилования.

Ника сидела на перевёрнутом ящике у печки и переписывала новые правила в ученический журнал. Перо скрипело, девочка сопела от усердия. На кончике носа у неё высохла крошечная капля чернил.

— Прочитай четвёртый пункт, — сказала Марина.

Ника вытянулась.

— «Если покупатель требует покрепче, уточнить, хочет он выздороветь или встретиться с предками».

— Зачеркнуть.

— Но это правда.

— Правда должна быть вежливой, если мы собираемся брать за неё деньги.

Ника вздохнула, словно Марина только что задушила искусство. Потом зачеркнула пункт и рядом вывела: «Уточнить цель усиления снадобья».

Марина посмотрела. Кивнула.

— Годится.

От этой простой похвалы девочка покраснела и спряталась за косой. Снова за скрипело перо.

На столе рядом со склянками лежали долговые бумаги Радомирского. Они не пахли, но Марина всё равно каждый раз морщилась, когда на них смотрела. Долги были разложены по годам, видам сборов и степени наглости. За землю под лавкой. За торговое место. За пользование городским колодцем. Пени. Пени на пени. Отдельной строкой — «компенсационный сбор за задержку уплаты прежних пеней».

Когда Марина впервые прочла эту строку, она сказала:

— Вот это уже искусство.

Ника спросила, чёрная ли это магия.

— Почти, — ответила Марина. — Бухгалтерия.

Теперь девочка смотрела на долговые бумаги с таким же уважительным ужасом, с каким раньше смотрела на банку сушёных паучьих желез.

Колокольчик над дверью не звякнул, а кашлянул. Марина давно хотела заменить его, но колокольчик стоял в списке расходов ниже крыши, замков, нормальных весов, чистых полотенец, новой ступки и еды, которая не притворялась кашей из опилок.

В лавку вошёл человек в синем кафтане.

Ника сразу перестала писать.

Марина ещё не знала всех городских лиц, но это узнала бы в любой жизни: мелкий чиновник при исполнении. Упитанный, гладко выбритый, с тонкими усиками, похожими на две мокрые запятыя. На груди — медная бляха городского сбора. В руках — кожаная папка, пухлая от бумаг.

За ним вошли двое стражников. Не люди Савелия. Эти были другие: ленивые, широкие, с глазами, в которых давно поселилась привычка смотреть мимо чужих бед.

— Радомирская Лидия Степановна? — спросил чиновник.

Фамилия уже не резала Марину так сильно. Она научилась отвечать на неё без задержки.

— Да.

— Прохор Ильич Глистин, младший сборщик городских податей и взысканий. По поручению магистратской палаты уведомляю вас о начале процедуры описи имущества за неуплату долговых обязательств.

Ника тихо втянула воздух.

Марина нет.

Она вытерла руки о полотенце. Медленно. В прежней жизни она видела таких людей сотнями: ревизоров, проверяющих, начальников отделов, которые входили в аптеку не за истиной, а за виноватым. С ними нельзя было суетиться. Суета пахла кровью.

— Покажите основание, — сказала она.

Глистин моргнул.

— Что?

— Основание процедуры. Постановление. Расчёт долга. Уведомление о сроках добровольной уплаты. Подтверждение вручения предыдущего требования.

Чиновник посмотрел на неё, словно лавочная ступка вдруг попросила гербовую печать.

— Милочка...

— Лидия Степановна.

У него дрогнули усики.

— Лидия Степановна, — повторил он с кислой сладостью. — Не усложняйте. Ваш покойный супруг накопил недоимку. Вы приняли лавку. Лавка отвечает по долгам. Всё просто.

— Простота не отменяет документов.

Один стражник фыркнул.

Марина придвинула к себе чистый лист.

— Прошу. За стол.

Глистин не сел.

— Вы не в том положении, чтобы...

— Я в положении налогоплательщика, которому предъявляют взыскание. Если в этом городе такое положение не даёт прав, мне понадобится письменное подтверждение.

В лавке стало тихо.

Глистин улыбнулся тонко и неприятно.

— Слухи не вали. Горячка оставила вас странной.

— Горячка оставила меня живой. Начнём с суммы.

Он сел.

Не потому, что захотел. Потому что в лавке возникла та особая тишина, в которой удобнее подчиниться формальности, чем объяснять свидетелям, почему ты её боишься.

Марина взяла бумаги одну за другой. Печати были настоящими, но поставлены небрежно. Чернила кое-где расплылись. Покойный Радомирский платил рывками: то крупная сумма, то пустые месяцы. Так платили люди, у которых деньги появлялись от ночных сделок, а не от честной торговли.

Она отложила мысль. Сейчас — цифры.

— Ника. Счёты.

Девочка вскочила, принесла счёты и снова села, почти не дыша.

— Расчёт составлен палатой, — сказал Глистин. — Он верен.

— Замечательно. Тогда проверка не займёт много времени.

Марина начала считать.

Основной долг был неприятным, но не смертельным. Пени — хуже. Компенсационный сбор — наглость. А вот повторное начисление на часть долга, уже закрытую квитанцией за прошлую весну, было ошибкой. Или не ошибкой.

Она постучала пальцем по строке.

— Это снято дважды.

— Что именно?

— Пеня на задолженность за колодец. Она уже включена в общий расчёт вот здесь. Ниже вы считаете её отдельно, ещё и с добавочным сбором.

Глистин потянулся к бумаге. Марина не отдала.

— Не надо её мять. Мне нужна копия.

— Женщина, вы понимаете, с кем разговариваете?

— С младшим сборщиком городских податей и взысканий Прохором Ильичом Глистиным. Вы представились.

Стражник фыркнул снова, но на этот раз подавился засахаренным корнем.

Глистин медленно покраснел.

— Ошибка в одной строке не отменяет долга.

— Не отменяет. Уменьшает. А ещё требует нового расчёта и нового срока добровольной уплаты. Сколько дней положено после исправления требования?

Он молчал.

Марина глянула на Нику.

— Запиши: сборщик отказался назвать срок.

— Не смей, — рявкнул Глистин.

Девочка вздрогнула.

Марина подняла глаза.

— Не повышайте голос на мою ученицу.

Слово выскочило само.

Ника посмотрела на неё, словно ей только что подарили зимние сапоги, собственную кровать и право называться человеком.

Отступать стало нельзя.

— Она здесь работает. Она ведёт записи. Если вы считаете, что подросток не может записывать слова чиновника при свидетелях, снова прошу письменное основание.

Стражники переглянулись. Глистин сгрёб бумаги в папку.

— Вы пожалеете.

— Вероятно. Но не сегодня.

Он поднялся.

— У вас семь дней, вдова. Семь дней до повторного визита. Я принесу исправленный расчёт. И тогда посмотрим, чем вы будете платить. Монетами или полками.

Марина тоже поднялась.

— Принесите два экземпляра.

— Что?

— Один останется у меня. С вашей подписью.

Глистин смотрел на неё несколько долгих секунд, потом резко повернулся к двери. Колокольчик кашлянул ему вслед.

На улице чиновник поскользнулся на мокрой ступеньке, удержался за косяк и выругался. Ника прыснула в ладонь.

Марина не улыбнулась. Рано.

Люди на соседних крыльцах делали вид, что занимаются делами, хотя все смотрели на лавку. Сухолесье любило зрелища. Особенно чужие.

— Он правда вернётся? — спросила Ника.

— Да.

— И заберёт полки?

Марина оглядела старые, щербатые полки, которые ещё утром мечтала заменить.

— Сначала пусть попробует их оценить.

Она собрала переписанные цифры в новый журнал, достала из ящика три медяка и две серебряные монеты. Деньги выглядели сиротливо.

— У нас есть семь дней.

— Это мало?

— Это больше, чем ничего.

Ника долго смотрела на журнал. Потом робко спросила:

— А ученица — это вы правда сказали? Или для сборщика?

Марина посмотрела на девочку: слишком большие глаза, рукава чужого платья, чернильная полоска на щеке.

— Правда. Если ты согласна.

— А мне платить надо?

— Тебе? Нет. Это я должна платить тебе, когда смогу.

— Я могу за еду. И за место у печки. И за то, чтобы вы не прогнали.

Марина почувствовала, как внутри что-то стянулось. Не жалостью. Злостью. В этом мире многие привыкли считать место у печки милостью.

— Мы запишем условия. Работа, обучение, еда, ночлег при необходимости, зарплата с первой устойчивой выручки. И выходной.

— Зачем выходной?

— Чтобы ты не умерла от счастья прямо на рабочем месте.

Ника улыбнулась. Сначала недоверчиво, потом шире.

Колокольчик снова кашлянул.

В дверях стоял Савелий Руд. Без стражников, без папки, без видимого повода. Тёмный плащ влажный по плечам, волосы у висков потемнели от дождя. Лицо спокойное. Слишком спокойное для человека, который оказался рядом случайно.

Он оглядел стол, счёты, бледную Нику, бумаги.

— Глистин был здесь.

Не вопрос.

— Если вы пришли составить протокол о нападении вдовы на арифметику, то да.

Ника издала странный звук и притворилась, что кашляет.

— Он привёл стражников?

— Двух. Один жевал.

— Пахом. Он жуёт, когда нервничает.

— Стражник нервничал?

— Если Глистин берёт Пахома, значит, ждёт скандала. Пахом медленный, но широкий.

— Как шкаф с тревожностью.

Савелий моргнул. Угол его рта едва дрогнул.

Марина заметила.

И, к несчастью, ей понравилось.

Она отвернулась первой.

— Вы что-то хотели, следовательно?

— Предупредить. Глистин мелочный, но опасный. Он может заявить, что лавка несёт угрозу городу.

— Тогда ему понадобится акт проверки.

— Он найдёт проверяющего.

— А я найду грязь под ногтями у проверяющего.

Савелий смотрел на неё долго. Дольше, чем было удобно.

— Вы не умеете отступать.

— Умею. Когда это выгодно.

— А когда страшно?

Марина не сразу ответила. Страшно ей было с того момента, как она очнулась в чужом теле. Страшно было каждый раз, когда называла себя Лидией. Страшно было открывать бумаги мёртвого мужа, чью вину она могла унаследовать вместе с лавкой.

Но страх — не инструкция.

— Особенно когда страшно.

Савелий опустил взгляд на её руки. Только тогда она заметила чернила на пальцах и тонкую царапину на запястье.

Он, конечно, тоже заметил.

— Обработайте.

— Это царапина.

— В вашей лавке достаточно дряни, чтобы царапина стала причиной похорон.

— Как трогательно звучит забота, когда её выдают за санитарный надзор.

Он взял чистую тряпицу, намочил в настое для обработки поверхностей и коснулся её запястья двумя пальцами. Осторожно. Его кожа оказалась горячей. Слишком горячей.

Ника за спиной дышала так тихо, будто боялась спугнуть момент.

— Вы всем подозреваемым моете руки? — спросила Марина.

— Только тем, кто спорит с налоговой грязными пальцами.

— Значит, у меня особое дело.

Он поднял глаза.

— Да.

Одно слово. Без улыбки.

Но у Марины пересохло во рту.

Савелий отпустил её руку первым. Отступил, снова стал следователем.

— Глистин вернётся. Не оставайтесь одна.

— У меня есть ученица.

Ника выпрямилась.

— Ученица — не охрана.

— А вы предлагаете себя?

Вопрос вылетел слишком быстро.

Савелий смотрел так, будто слышал не слова, а то, что спряталось под ними.

— Если понадобится.

Марина почувствовала, как щеки теплеют. От злости, конечно.

— Благодарю, но я предпочитаю охрану с понятным тарифом.

— Я дорого беру.

— Не сомневаюсь.

Перед уходом она поставила на край прилавка маленькую баночку.

— Ваши костяшки. Дважды в день. Тонким слоем. Не облизывать.

— Я постараюсь.

— Это не совет. Это инструкция.

Он взял баночку. Их пальцы не коснулись, но расстояние стало таким маленьким, что Марина заметила каплю дождя на его реснице.

И заметила, что он заметил, как она заметила.

Вот это было плохо.

Когда он ушёл, на месте баночки лежала серебряная монета.

Много.

— Завтра вернём сдачу, — сказала Марина.

Ника улыбалась в журнал.

— Конечно.

Ближе к закрытию девочка нашла под дверью маленький мешочек. Внутри лежали монеты: медные и две серебряные. Ровно столько, чтобы покрыть часть долга и дать лавке несколько дней воздуха.

Без записки.

Без подписи.

— Это он? — прошептала Ника.

Марина затянула мешочек обратно.

— Не знаю.

Она знала.

И злилась.

Не потому, что ей помогли. А потому, что помощь была молчаливая, благородная и совершенно невыносимая. Мужчины вроде Савелия Руда умели спасать так, что ты чувствовала себя обязанной, даже если они ничего не требовали.

Марина положила мешочек отдельно от выручки.

— Мы не будем это тратить.

— Но долг...

— Долг заплатим своими.

— А если своих не хватит?

Марина посмотрела на тёмное окно. В стекле отражалась женщина с чужим лицом, чужой лавкой и упрямством, которое было полностью её собственным.

— Значит, заработаем.

Глава 7. Белая кора

Утро пахло мокрой корой.

Не красиво и не свежо, как в книжках про лесных дев и охотников с благородными скулами. Мокрая кора пахла сыростью, землёй, грибной пылью и холодом, который забирался под юбки так уверенно, будто имел на это наследственное право.

Марина стояла на краю лесной дороги, держала корзину и думала, что прежняя она в такой обуви не прошла бы и до аптеки через сугроб.

Нынешняя Лидия Радомирская стояла на ногах крепче.

Тело было худым, но выносливым. Руки быстро мёрзли, зато пальцы ловко перебирали травы. Иногда всплывала память тела: как затянуть узел на корзине, как присесть, чтобы не запачкать подол до колен, как отличить сухую ветку от змеиной спины в прошлогодней листве.

Марина не любила эту память.

Она была полезной. Именно поэтому не любила.

— Дальше тропа узкая, — сказал Яромир.

Старый сборщик стоял впереди, опираясь на палку. На вид ему было лет семьдесят, на голос — сто двадцать, на глаза — столько, сколько нужно человеку, который видел, как три поколения молодых дураков лезли в лес без ножа и возвращались с уроком в зубах.

Усы у Яромира были белые, длинные и сердитые. Шапка — меховая, с проплешиной на боку. На поясе висел кривой нож, мешочек соли и связка сушёных ягод, которыми он изредка угощал себя, но не предлагал другим.

Ника шла позади Марины с маленькой корзиной. Девочка была одновременно испугана, горда и готова записать каждое слово, если бы у неё не заняты были руки.

— Узкая — это насколько? — спросила Марина.

— Настолько, что городские начинают вспоминать богов.

— Я выросла между стеллажами склада. Меня тропой не напугать.

Яромир посмотрел через плечо.

— Стеллажи кусаются?

— Если плохо закреплены — убивают.

Старик хмыкнул. Похоже, это был знак уважения.

Они углубились в лес.

Сухолесский лес был плотным, мокрым, настороженным. Деревья росли близко, ветки цеплялись за одежду, мох пружинил под ногами. Где-то стучал дятел. Иногда в кустах шуршало так, что Ника прижималась ближе.

Марина не говорила ей «не бойся».

Бесполезная фраза. Страх не уходит от приказа. Страх становится терпимым, когда у него есть дело.

— Смотри под ноги, — сказала она. — И повтори признаки сырья, которое нам нужно.

Ника сразу ожила.

— Дерево невысокое. Кора светло-серая, почти белая на молодых ветках. Лист с тремя жилками от черенка. Горький запах на сломе. Собирать только тонкие ветки, не снимать кольцом, не повреждать ствол.

— Почему не снимать кольцом?

— Дерево умрёт.

— Почему это плохо для лавки?

Девочка запнулась, потом поняла подвох.

— Потому что в следующем году сырья не будет.

— Хорошо.

Яромир снова хмыкнул.

— Раньше Радомирский так не спрашивал.

Марина посмотрела на его спину.

— А как спрашивал?

— «Сколько мешков принесёшь к полнолунию?»

— И приносили?

— Кто хотел серебра — приносил. Кто хотел жить с лесом долго — ругался и приносил меньше.

Марина запомнила.

С покойным мужем Лидии всё становилось хуже при каждом новом рассказе. Не резко. Как нарыв, который сначала кажется просто больным местом, а потом однажды понимаешь: под кожей давно гной.

Тропа пошла вверх. Земля стала глинистой. Ника дважды поскользнулась, один раз вцепилась Марине в локоть, смутилась, отпустила.

— Держись, — сказала Марина.

— Я не маленькая.

— Я тоже. Всё равно держись.

Девочка послушалась.

Ещё через полчаса Яромир остановился у низкого дерева с кривым стволом. Кора на молодых ветках действительно была светлой, будто её припудрили мукой. Листьев почти не осталось, но те, что держались, имели чёткие жилки.

Марина осторожно надломилась маленькую сухую веточку. Поднесла к носу.

Горечь. Холодная, ровная. В прежнем мире это не было бы доказательством состава, только намёком. Здесь к запаху примешивалось что-то ещё — слабый металлический отклик на языке.

Магия.

Марина до сих пор не привыкла думать об этом спокойно.

— Белая кора, — сказал Яромир. — От жара, от ломоты, от дурной крови, если бабкиным языком. Если передержать в отваре — желудок скрутит. Если дать пьяному — вывернет. Если дать малому без меры — может не проснуться.

Ника побледнела.

— Поэтому мы не будем давать без меры, — сказала Марина. — И не будем варить так, как варили бабкиным языком.

Яромир сощурился.

— А как будете?

— Осторожно.

— Это не способ.

— Это начало способа.

Она достала из корзины чистую ткань, маленький нож и деревянные бирки. Нож протёрла спиртовой настойкой. Яромир следил за каждым движением.

— Нож тоже лечить надо?

— Нож надо не заражать.

— Чем?

Как объяснить микробы человеку, который верит в болотников, лесных шептунов и налог на колодец, но не видел ни одного увеличительного стекла сильнее лупы ювелира?

— Невидимой грязью.

Старик долго смотрел на неё. Потом кивнул с таким видом, будто это его полностью устроило.

— Невидимой грязи в лесу много.

— В людях тоже.

Яромир ухмыльнулся.

Сбор шёл медленно. Марина запрещала Нике торопиться. Каждую веточку отмечали, связывали отдельно, на бирке писали место, день, имя сборщика. Яромир ворчал, что к вечеру с таким подходом они соберут сырьё на одну кружку для умирающей мыши.

Марина отвечала, что умирающей мыши тоже нужна правильная доза.

Постепенно старик перестал ворчать. Потом начал показывать, какие ветки лучше не трогать, где кора слишком старая, где дерево болело прошлым летом. Он говорил сухо, но в его голосе появилось то, что Марина ценила больше вежливости: интерес мастера к чужому мастерству.

Люди, знающие своё дело, узнавали друг друга не по словам.

К полудню они устроили привал у ручья. Ника достала хлеб, два варёных яйца и маленький кусок сыра. Сыр был твёрдый, солёный и явно видел лучшие времена, но после утренней дороги казался подарком.

Яромир ел свои ягоды и смотрел на Маринины бирки.

— Писанины много.

— Да.

— Руки устанут.

— Меньше, чем устанут люди от плохого снадобья.

— Хороший ответ. Но люди любят дешёвое. Им скажешь: это чистое, это с записью, это от правильного дерева. А они пойдут к тому, кто насыплет полмешка за медяк.

— Пойдут.

— И?

— Кто-то вернётся с больным животом. Кто-то не вернётся. Остальные начнут думать.

Яромир покачал головой.

— Злая вы.

— Нет. Усталая.

Старик ничего не сказал. Лучше сочувствия.

После привала лес изменился.

Сначала Марина не поняла, как. Деревья те же, мох тот же, холод тот же. Но воздух стал тише. Дятел замолчал. Где-то далеко треснула ветка, и Ника сразу схватила Марину за рукав.

Яромир поднял руку.

Они остановились.

Старик присел, коснулся земли пальцами. Его лицо стало совсем другим: старость ушла, остался человек, который умел читать грязь лучше, чем писарь — книги.

— Кто-то был.

— Давно?

— Утром.

Марина тоже присела. На мягкой земле виднелись следы. Несколько человек. Тяжёлые сапоги. Рядом — борозды от волока или мешков.

— Сырьё выносили?

Яромир провёл пальцем по ближайшему стволу. На дереве белела свежая рана. Нет, не срез. Сдрано грубо, кольцом.

— Убили, — сказал старик.

С белокорого дерева сняли кору вокруг ствола широким поясом. Дерево ещё стояло, живое внешне, но уже обречённое. Ни один сок не поднимется выше раны. Ни одна весна его не спасёт.

Ника шепнула:

— Зачем так?

— Быстро, — ответила Марина.

— Но потом...

— Тот, кто это сделал, не думает про потом.

Или думает про другое потом. Про мешки сырья, быстрые деньги, большие партии. Про яд, который можно приготовить, если не важна чистота, а нужна сила.

Марина почувствовала знакомое холодное напряжение. Так она чувствовала себя, когда на складе находила расхождение в партии, а начальство говорило: «Да ладно, подпиши, сроки горят».

Сроки всегда горели у тех, кто потом не отвечал за ожоги.

— Уходим, — сказал Яромир.

— Почему?

— Потому что те, кто дерёт белую кору мешками, не любят свидетелей.

Марина хотела возразить. Потом увидела лицо Ники и закрыла рот.

Да. Сначала вывести ребёнка. Потом думать.

Они собрали инструменты. Яромир шёл первым, быстро, почти беззвучно. Ника держалась за корзину обеими руками. Марина замыкала цепочку, оглядываясь чаще, чем хотела.

Тишина шла за ними.

Не шаги. Не треск. Просто тишина.

А потом из-за деревьев вышел зверь.

Ника вскрикнула.

Марина застыла.

Существо стояло на склоне между двумя соснами. Слишком высокое для волка. Слишком волчье для человека. Серо-чёрная шерсть на плечах, длинные руки с когтями, морда, где ещё угадывались человеческие линии. Глаза — серые с жёлтым кольцом.

Марина узнала их раньше, чем успела испугаться.

— Савелий.

Яромир тихо выругался себе под нос. Ника спряталась за Марину, потом выглянула.

Оборотень не двигался.

В такой форме Савелий казался не человеком, который умеет становиться зверем, а зверем, который из вежливости иногда носит человеческое лицо. На его боку темнела полоса крови. Не свежая, но заметная.

Марина сделала шаг вперёд.

Яромир схватил её за локоть.

— Не подходите.

— Он ранен.

— Тем более.

Савелий тихо зарычал. Не угрожающе. Предупреждающе.

Марина остановилась.

— Вы следили за нами?

Звериная морда чуть склонилась.

— Моргните один раз, если да.

Ника за спиной прошептала:

— Хозяйка...

Савелий моргнул.

Марина сложила руки на груди.

— Прекрасно. В следующий раз, когда решите тайно охранять сбор лекарственного сырья, постарайтесь не истекать кровью в кустах. Это отвлекает от работы.

Яромир издал сдавленный звук. Оборотень смотрел на Марину долго. Потом в его взгляде что-то дрогнуло. Если бы у этой морды были человеческие губы, он бы, наверное, усмехнулся.

Кровь на боку блеснула.

— Рана глубокая?

Савелий отвёл взгляд в сторону тропы.

Марина поняла.

— Там кто-то есть?

Он снова моргнул. Один раз.

— Нам надо идти, — сказал Яромир.

— Да. Быстро.

Савелий развернулся, исчез между деревьями. Не ушёл — растворился. Ветки даже не качнулись.

Ника наконец выдохнула.

— Он был... он был...

— Оборотень, — сказал Яромир. — Что глаза выпучила? В городе жила и не знала?

— Знала. Но знать и видеть, как у следователя когти с мой нож, — разные вещи.

Марина шла, стараясь не показывать, что сердце стучит слишком быстро.

Не от страха. Не совсем.

Она видела Савелия в человеческой форме: плащ, сдержанность, голос, от которого люди выпрямлялись. Сейчас за этой сдержанностью мелькнуло то, что он держал запертым. Сила. Боль. Одиночество, странно читаемое даже в звериной посадке плеч.

И ещё кровь.

Когда они вышли к дороге, Яромир остановился.

— Сбор на сегодня окончен.

— Мы собрали мало, — сказала Ника.

— Мы собрали достаточно, чтобы не быть дураками.

Марина кивнула.

Старик перевёл взгляд на неё.

— Белой коры теперь мало будет. Кто-то дерёт всё подряд. Если хотите делать своё городское чудо, ищите поставщиков быстрее. И осторожней с Рудом.

— Почему?

— Потому что оборотни не ходят за вдовами по лесу просто так.

— Он следователь.

— Угу. А я молодой князь.

Ника приснула.

До города они дошли ближе к вечеру. Сухолесье встретило дымом печных труб, мокрыми крышами и криком торговли рыбой, которая ругалась с покупателем так художественно, что Марина даже замедлила шаг. Жизнь после лесной тишины казалась шумной и почти уютной.

У лавки Ника разложила сырьё на чистой ткани, переписала бирки в журнал, поставила воду кипятиться. Марина проверила каждую связку, отдельно отметила место сбора и повреждённые деревья.

Потом достала банку с мазью.

Ника заметила.

— Для кого?

— Для продажи.

— В маленькой баночке без этикетки?

Марина наклеила этикетку: «Мазь от ушибов и поверхностных повреждений. Наружно. Дважды в день». Подумала и добавила: «Не геройствовать».

— Это всем покупателям?

— Самым одарённым.

Колокольчик кашлянул уже в темноте.

На пороге стоял Савелий.

Человеческий. В тёмной рубашке, застёгнутой криво у горла. Лицо бледнее обычного, хотя у оборотней, кажется, это было достижением. На боку под тканью проступало тёмное пятно.

Он вошёл и закрыл дверь.

Ника быстро схватила журнал.

— Я пойду проверю сушку.

Сушка стояла в двух шагах, но девочка исчезла в задней комнате с ловкостью мыши.

Марина указала на стул.

— Садитесь.

— Я пришёл предупредить.

— Сначала садитесь, потом предупреждайте.

— Радомирская...

— Лидия Степановна для чиновников. Для раненых упрямец — стул.

Он сел. Не сразу. С таким видом, будто уступал не ей, а гравитации.

Марина поставила на стол чистую воду, ткань, ножницы, мазь.

— Рубашку.

Савелий посмотрел на неё.

— Что?

— Снимайте или поднимайте. Я не умею лечить через ткань. В моём прежнем... опыте это считалось плохой практикой.

Он услышал запинку. Конечно, услышал. Но ничего не сказал.

Медленно расстегнул рубашку и поднял край.

Марина заставила себя смотреть только на рану.

Трудно.

У Савелия оказалась широкая грудная клетка, плоский живот и старые шрамы, много старых шрамов: белые полосы на рёбрах, круглый след у плеча, длинная неровная линия через бок. Новая рана шла поверх одной из старых, красная, злая, с чёрным краем, будто коготь был смазан чем-то ядовитым.

— Чем это?

— Железо с солью.

— Специально против оборотней?

— Да.

— Значит, в лесу были не случайные сборщики.

— Нет.

— И вы знали.

— Подозревал.

— Но не сочли нужным сказать перед тем, как мы пошли туда с ребёнком и стариком?

В его взгляде мелькнуло что-то жёсткое.

— Я был рядом.

— Это не ответ.

— Это всё, что я мог сделать без ордера.

Марина прижала ткань к ране. Савелий даже не поморщился, только пальцы на краю стула сжались.

— А если бы они нашли нас раньше вас?

Он молчал.

Марина поняла, что попала не в споре. Больше.

— Не нашли, — сказал он наконец.

— Потому что вы были рядом.

— Да.

— А если бы не успели?

Он опустил взгляд на неё.

— Я успел.

В этом не было хвастовства. Только голый факт, на котором держался его мир. Успел — значит, можно дышать. Не успел — значит, вина останется с ним навсегда.

Марина вдруг устала злиться.

— В следующий раз предупреждайте меня до того, как я поведу Нику в лес.

— Вы всё равно пошли бы.

— Возможно. Но взяла бы больше перевязочного материала.

На этот раз он почти улыбнулся.

Марина промыла рану. Нанесла мазь. Савелий сидел неподвижно. Только когда её пальцы коснулись края старого шрама, он резко вдохнул.

— Больно?

— Нет.

— Врёте плохо.

— Я редко вру.

— Тогда тренируйтесь.

Он посмотрел на её руку. Марина вдруг поняла, что её ладонь лежит на его боку слишком долго.

Она убрала пальцы.

Сразу стало холоднее.

— Повязку менять утром и вечером. Если почернение пойдёт дальше, придёте немедленно.

— Я не ребёнок.

— Дети обычно слушаются лучше.

— Сомневаюсь.

— Я работаю с Никой. У меня есть сравнительный материал.

Из задней комнаты донёсся возмущённый шёпот:

— Я всё слышу.

Савелий посмотрел туда. Впервые за вечер его лицо смягчилось открыто.

Марина увидела это. И что-то внутри неё сделало маленький, опасный шаг.

— Что вы хотели предупредить? — спросила она.

Савелий застегнул рубашку не до конца.

— Белую кору скупают люди Мирона Каста.

— Кто это?

— Представитель гильдии «Алые склянки». Пока он не в городе, но его люди уже работают.

— Зачем им столько сырья?

— Возможно, для подделок. Возможно, для чего-то хуже.

— Хуже жаропонижающего с ожогом желудка?

— Белая кора в смеси с чернолистом может скрывать первые признаки отравления. Человек думает, что жар спал, а яд идёт глубже.

Марина медленно поставила склянку на стол.

— Чернолист запрещён.

— Да.

— И его связывают с мужем Лидии.

Савелий не поправил её на «вашим мужем». Просто кивнул.

— Да.

Тишина стала плотной.

— Что именно вы подозреваете?

— Что кто-то продолжает старое дело Радомирского. Или использует его имя.

— А меня?

Он долго не отвечал.

— Вас я не понимаю. Если бы я считал вас виновной, всё было бы проще.

— Для кого?

— Для меня.

И снова это прозвучало слишком прямо.

Марина отвернулась первой.

— Белой коры нам нужно больше. Но чистой. И без убитых деревьев.

— Я поговорю с Яромиром.

— Я поговорю с Яромиром.

— Радомирская.

— Следователь.

Они посмотрели друг на друга через стол: она — с чернильным пятном на пальце, он — с раной под плохо застёгнутой рубашкой.

Савелий тихо сказал:

— Вы всё превращаете в бой.

— Нет. Я всё превращаю в договор. Бой начинается, когда другая сторона не умеет читать.

Он смотрел на неё, словно запоминал.

Потом встал.

— За мазь я заплачу.

— Уже заплатили слишком много в прошлый раз.

— То были не мои деньги.

Марина застыла.

— Что?

— Мешочек. Это не я.

Лавка вдруг стала холоднее.

— Откуда вы знаете про мешочек?

Молчание.

И вот теперь она увидела: он знал не потому, что подбросил. Он знал потому, что следил. За лавкой, дверью, тем, кто подходил. Охранял или расследовал — разница была важной, но в эту секунду слишком тонкой.

— Кто?

— Не знаю. Пока.

Если деньги дал не Савелий, значит, кто-то другой хотел, чтобы она почувствовала себя обязанной. Или чтобы потом доказать: вдова принимала тайные платежи.

— Я их не тратила.

— Хорошо.

— Я не из осторожности. Из злости.

— Злость тоже работает.

Он открыл дверь.

— Заприте за мной.

— Вы всем подозреваемым даёте бытовые советы?

Савелий обернулся. На этот раз улыбка всё-таки появилась. Едва заметная, усталая. Настоящая.

— Только самым упрямым.

Он ушёл.

Ника вышла из задней комнаты.

— А если деньги не его, то чьи?

Марина посмотрела на тёмное окно.

— Чьи бы ни были, завтра мы заведём для них отдельный журнал.

— Журнал для подозрительных денег?

— Именно.

— А как назовём?

— «Поступления неизвестного происхождения, принимать с отвращением».

Девочка улыбнулась.

И в лавке, несмотря на дождь, стало чуть теплее.

Глава 8. Порошок от жара

К полудню лавка пахла горечью так сильно, что даже Аграфена из соседней булочной заглянула через дверь и спросила, не собираются ли они лечить весь город или просто отпугнуть бедность.

— Бедность не отпугивается, — сказала Марина, просеивая высушенную белую кору через тонкую ткань. — Она слишком настойчивая.

— Тогда чиновников. Они слабее желудком.

Ника прыснула, но быстро спрятала улыбку за журналом. С тех пор как Марина записала её ученицей, девочка старалась выглядеть старше. Получалось не всегда. Особенно когда в лавку приходила булочница с корзиной горячих ржанных лепёшек.

Аграфена была женщиной широкой, румяной, с руками, которые могли замесить тесто, вынести ведро воды и при необходимости отвесить кому-нибудь подзатыльник не хуже городского стражника. Она говорила громко, ходила быстро и знала новости ещё до того, как они случались. В её булочной утром покупали хлеб, к полудню — слухи, вечером — утешение.

Сегодня она принесла две лепёшки и кувшин сыворотки.

— От моей печи, — сказала она. — Не милость. Обмен. Ты мне потом дашь порошок от суставов. Колени ноют к дождю.

— Я ещё не делаю порошок от суставов.

— Сделаешь. У тебя лицо такое.

— Какое?

— Которое всё равно сделает, даже если мир треснет.

Марина хотела возразить, но Ника закивала с такой горячей верой, что спорить стало неловко.

— Сначала порошок от жара. Потом колени.

— Запомнила, — Аграфена оглядела столы. — Красиво у тебя стало. Страшновато, но красиво.

Красиво было громким словом.

Лавка всё ещё держалась на честном упрямстве и кривых гвоздях. Пол скрипел. Прилавок был потёрт, словно об него десятилетиями точили локти и судьбу. Окно плохо закрывалось. Зато полки теперь стояли чистыми рядами. На каждой — бирка. На столах — ткань. Скланки вымыты, высушены, перевёрнуты горлышком вниз. В углу висела доска с правилами.

Ника утром добавила пункт: «Не трогать чистое грязными мыслями».

Марина заметила только после того, как два покупателя прочли и одобрительно кивнули. Пусть будет.

— Порошок будет горький? — спросила Аграфена.

— Да.

— Дети плевать будут.

— Будут.

— Матери ругаться будут.

— Тоже.

— Значит, надо придумать, чем запивать.

Марина подняла глаза.

— Вы предлагаете булочную добавку?

— Я предлагаю ложку кислого ягодного сиропа. Не в порошок, не бойся, вижу, как у тебя бровь дернулась. Отдельно. Чтобы проглотили и не прокляли твою лавку до третьего колена.

Марина медленно опустила сито.

Иногда хорошие идеи приходили не из книг. Иногда они входили в дверь с корзиной лепёшек и голосом, способным перекричать пожар.

— Сироп без сильных трав?

— Ягода, вода, мёд. Может, щепоть сушёной кислицы.

— Мёд дорогой.

— Для детей можно чайную ложку. Для взрослых пусть терпят, раз выросли.

Ника записывала так быстро, что перо царапало бумагу.

— Это не лекарство, — сказала Марина. — Это средство для приёма.

— Назови как хочешь. Лишь бы дети не орали на всю улицу, что вдова кормит их печной сажей.

Марина посмотрела на порошок в миске. Светло-серый, почти белый, с мелкими тёмными точками. Запах горький, но ровный. Первые пробные отвары показали, что белая кора сильная. Слишком сильная, если варить на глаз. Но если высушить, измельчить, смешать с нейтральной основой, отмерять малыми дозами и отслеживать реакцию, можно получить средство, которое будет снижать жар мягче, чем грубый отвар.

Можно.

Если не ошибиться.

Марина ещё раз перечитала записи. Вес сырья до сушки. После сушки. Потеря влаги. Цвет. Запах. Время измельчения. Номер партии: БК-01.

БК — белая кора.

Просто. Понятно. Без мистики.

— Ника, повтори порядок.

Девочка вытянулась.

— Проверить сухость сырья. Отбраковать тёмные и заплесневевшие куски. Измельчить отдельно от других трав. Просеять. Взвесить. Смешать с основой. Ещё раз взвесить. Разделить на малые бумажные пакеты. На каждом написать номер партии, дозу, день, кому нельзя.

— Кому нельзя?

— Малым детям без осмотра. Беременным. Людям с кровотечениями. Тем, у кого после первой дозы болит живот, кружится голова или начинается рвота. Пьяным.

Аграфена одобительно сказала:

— Пьяным вообще мало чего можно, кроме спать лицом от лужи.

— Хорошо, — сказала Марина. — Теперь самое главное.

Ника нахмурилась.

— Не превышать дозу?

— Нет. Самое главное — если сомневаешься, не выдаёшь.

— Даже если просят?

— Особенно если просят.

— А если кричат?

— Тогда зовёшь меня. Или Аграфену.

Булочница расправила плечи.

— Меня можно и без жара звать. Я люблю кричащих покупателей. Они быстро становятся тихими.

К двум часам первая партия была готова.

Двенадцать маленьких бумажных пакетов. Каждый перевязан ниткой, подписан. На отдельном листке инструкция: как разводить, когда принимать, когда прекратить, когда звать лекаря. Марина написала три варианта: для взрослых, для подростков, для детей старше определённого возраста и веса. Вес в этом мире измеряли странными фунтами и долями, но она уже начинала переводить местные меры в понятную систему.

Ника смотрела на пакеты, словно они были серебром.

- Это всё?
- Это первая партия.
- Так мало.
- Хорошего средства сначала всегда мало.

Марина произнесла и сама вспомнила прежнюю аптеку: новые препараты, первые поставки, листки контроля, звонки врачам, осторожные покупатели. Тогда она верила, что порядок спасает от хаоса. Потом оказалось, что хаос умеет носить костюм начальника и подписывать приказы.

Она отогнала воспоминание.

Здесь перед ней лежали двенадцать пакетов. Маленький порядок. Её порядок.

Колокольчик кашлянул.

В лавку вошёл кузнец.

Марина видела его пару раз на улице. Огромный мужчина с плечами, как дверной проём, бородой, подпаленной с одной стороны, и глазами человека, который не спал вторые сутки. Звали его Демьян.

Он снял шапку и смял её в руках.

— Вдова.

Аграфена сразу стала серьёзной.

— Что у тебя, Демьян?

— Марфа горит. Третий день. Лекарь давал красную настойку. Не помогает. Сегодня велел синюю. От синей её вывернуло. Сказали, вы... — он посмотрел на Марину, — вы теперь по жару.

Марина уже доставала чистую сумку.

— Сколько лет Марфе? Сознание теряет? Пьёт? Мочится? Сыпь есть? Кашель?

Кузнец растерялся от вопросов, но отвечал. Не всё точно, но достаточно, чтобы понять: плохо. Возможно, опасно. И точно не для продажи порошка через прилавок.

— Ника, остаёшься с Аграфеной. Никому порошок не выдавать без меня. Демьян, ведите.

Кузнец моргнул.

— Вы сами пойдёте?

— Нет, я отправлю записку жару, чтобы он описал симптомы.

Аграфена хмыкнула.

Демьян покраснел под бородой.

Дом кузнеца стоял за мастерской, где даже в дождливый день пахло углём, железом и мужским потом. Марина вошла и сразу отметила: в комнате душно, окна закрыты, у кровати три склянки, вода в кувшине тёплая, на столе вчерашняя похлёбка. На кровати лежала женщина лет тридцати, красная от жара, волосы прилипли к вискам. Дышала часто.

У кровати сидел мальчишка лет семи, держал мать за руку и смотрел на Марину, словно она пришла с приговором.

Марина сняла плащ.

— Откройте окно. Не настужь, щель. Воду свежую. Склянки сюда.

— Ей холодно будет, — сказал Демьян.

— Ей жарко. Это не одно и то же.

Он хотел спорить, но Аграфены рядом не было, и Марине пришлось смотреть на него самой. Кузнец сдался первым.

Склянки оказались хуже, чем она ждала. Красная настойка пахла спиртом, жгучей травой и чем-то сладким. Синяя — плесенью и мятой, которая уже давно умерла. Третья без этикетки. Марина отставила всё подальше.

— Больше это не давать.

— Лекарь сказал чередовать.

— Лекарь здесь?

Демьян сжал шапку.

— Нет.

— Тогда сейчас слушаете меня.

В прежней жизни за такие фразы можно было получить жалобу. Здесь — взгляд мужчины, у которого жена горит на постели, а он готов поверить любому, кто говорит достаточно твёрдо.

Марина осмотрела Марфу. Осторожно. Подробно. Попросила женщину открыть глаза, показать язык, вдохнуть. Проверила сыпь, живот, боль. Это могло быть несколько причин сразу: простуда, воспаление, отравление настойками, истощение. Без лаборатории, без термометра, без нормальных инструментов она чувствовала себя человеком с завязанными глазами.

Но руки помнили.

Голова работала.

— Порошок дадим малую дозу. Потом вода. Много, маленькими глотками. Никаких настоек. Через час я вернусь. Если начнёт бредить сильнее, если сыпь пойдёт пятнами, если живот станет твёрдым — посылаете за мной сразу.

— Она умрёт? — спросил мальчик.

Демьян дёрнулся.

— Степка.

Марина присела перед ребёнком. Глаза у него были красные, нос грязный, в кулаке он держал деревянного коня без одной ноги.

— Я не знаю, — сказала она честно. — Но сейчас мы делаем то, что поможет ей бороться.

— А она борется?

Марина посмотрела на Марфу. Женщина, кажется, услышала. Пальцы на одеяле дрогнули.

— Да. И ей нужны помощники. Ты можешь считать, сколько раз она пьёт воду?

Мальчик кивнул так серьёзно, что у Марины заболело сердце.

Она дала порошок, проследила, чтобы Марфа проглотила. Оставила один пакет на случай второй дозы, но строго расписала время. Демьян слушал, как ученик. Плохой, напуганный, но старательный.

Когда Марина вышла из дома, на улице стоял Савелий.

Конечно.

Прислонился плечом к стене кузни, руки скрещены на груди. На лице — служебная невозмутимость. На боку под плащом, Марина знала, свежая повязка.

— Вы следите за больными или за мной? — спросила она.

— За городом.

— Как удобно. Я всё время оказываюсь где-то внутри города.

— У Демьяна жена?

— Жар. Возможно, осложнение после дурных настоек.

— Ваш порошок?

— Мой порошок может помочь. Может не помочь. Я не продаю чудеса.

Савелий оттолкнулся от стены.

— Это хорошо.

— Почему?

— Чудесам быстро начинают поклоняться. А потом обвиняют, когда они кончаются.

Марина посмотрела на него внимательнее.

В его голосе было слишком много опыта для простой фразы.

— Вы говорите как человек, которого уже обвиняли.

— Я говорю как следователь.

— Не всегда.

Он не ответил.

В кузне хлопнуло пламя. Искры брызнули из горна, и на миг тёплый свет лег на лицо Савелия, выхватил шрам над бровью, неровность переносицы, усталую складку у рта.

Марина вдруг подумала, что этот человек, скорее всего, редко спит без ножа рядом. И ещё реже просыпается от хороших причин.

Непрошенная мысль. Ненужная.

Она поправила сумку на плече.

— Мне нужно вернуться в лавку.

— Я провожу.

— Десять домов по людной улице?

— Да.

— Бойтесь, что меня украдут между булочной и колодцем?

— Боюсь, что вы успеете найти ещё одну неприятность и назовёте её процедурой.

Марина хотела фыркнуть, но губы сами дёрнулись.

Он заметил. И, что хуже, не отвёл взгляд.

Они пошли рядом.

Странно. Не близко, нет. Между ними оставалось достаточно места для приличий, корзины, чужих глаз и всего того, что Марина предпочитала называть здравым смыслом. Но всё равно люди смотрели. Из окон, от ворот, из-под навесов. Сухолесье умело заметить мужчину и женщину на одной улице даже в тумане. Особенно если мужчина был следователем, а женщина подозреваемой вдовой.

Особенно тогда.

— Ваш порошок будет продаваться? — спросил Савелий.

— Если Марфа выживет и если не будет тяжёлой реакции.

— А если выживет не из-за порошка?

— Тогда я не стану приписывать себе чужую работу организма.

— Люди всё равно припишут.

— Люди много что приписывают. Мужчина шёл рядом с женщиной — значит, свадьба.

Вдова попросила документы — значит, ведьма. Следователь купил мазь — значит...

Она замолчала.

Слишком поздно.

Савелий повернул голову.

— Значит?

— Значит, ушибся.

— Конечно.

Голос у него стал ровный. Слишком ровный.

Марина смотрела вперёд: на лужи, мостовую, курицу, которая перебежала дорогу с видом налогового беглеца. Куда угодно, только не на Савелия.

— Как рана?

— Терпимо.

— Повязку меняли?

— Нет.

Она остановилась. Он тоже.

— Почему?

— Был занят.

— Чем?

— Следил за городом.

Марина медленно вдохнула.

— После лавки зайдёте в заднюю комнату. Я сменю повязку.

— Это приказ?

— Инструкция по применению следователя. Хранить в сухом месте, не допускать самовольного геройства.

Савелий опустил взгляд. Улыбка опять не случилась целиком, но была близко.

— А если не зайду?

— Тогда я скажу Аграфене.

Он посмотрел на булочную, мимо которой они проходили. Аграфена стояла в дверях, руки в муке, глаза прищурены. Она явно слышала достаточно.

— Зайдёте, Руд! — крикнула она. — А то я сама повязку сменю. Сковородой.

Савелий впервые за всё время тихо рассмеялся.

Марина услышала этот смех и пожалела, что не придумала что-нибудь менее удачное.

Потому что смех ему шёл.

Слишком.

В лавке Ника встретила их взглядом человека, который всё понял неправильно и был счастлив.

— Повязка, — ровно сказала Марина.

— Конечно, — сказала Ника тоном Аграфены.

Савелий сел на тот же стул, что и вчера. Марина сняла старую повязку. Рана выглядела лучше, почернение не расползлось. Хорошо. Очень хорошо.

— Жжёт? — спросила она, накладывая мазь.

— Меньше, чем ваша забота.

Марина замерла.

Ника в углу уронила пустую склянку. Та чудом не разбилась.

Савелий, кажется, сам понял, что сказал. Лицо его осталось спокойным, но ухо под тёмной прядью слегка покраснело.

Оборотень. Следователь. Гроза преступников.

Покраснело ухо.

Марина аккуратно затянула повязку. Не ту же, чем нужно. Хотя соблазн был.

— Берегите себя. Это не забота. Это защита моей работы. Я не люблю, когда пациенты портят статистику.

— Тогда постараюсь не портить.

Он встал и заплатил за мазь правильной суммой. Ровно. До медяка. Марина отметила это с удовлетворением, которое было почти нежностью, но она отказалась признавать такое слово.

Вечером Демьян прислал Степку.

Мальчик стоял в дверях, мокрый, запыхавшийся, с деревянным конём под мышкой.

— Мама проснулась. Попросила воды. И ругалась на отца, что он поставил кувшин не туда.

Ника ойкнула.

Аграфена перекрестилась по местному: лоб, губы, грудь.

Марина села на стул.

Просто села, потому что ноги вдруг стали ватными.

Порошок мог не быть причиной. Жар мог сломаться сам. Отмена дурных настоек могла сработать сильнее. Вода, воздух, покой — всё вместе. Так и надо думать. Так правильно.

Но Марфа проснулась.

А это значило, что первая партия не убила. Не навредила. Возможно, помогла.

Для начала достаточно.

— Я завтра приду посмотреть, — сказала Марина.

Степка кивнул. Потом протянул ей деревянного коня.

— Это вам.

— Мне?

— Он хромым. Но хороший.

Марина взяла игрушку осторожно. У коня не было одной ноги, зато на морде кто-то вырезал упрямые глаза.

— Спасибо.

Мальчик убежал.

Ника смотрела на коня, потом на Марину.

— Это плата?

— Нет. Это доверие.

— Его в журнал писать?

Марина провела пальцем по шероховатой деревянной спине.

— Да. Но отдельно.

— Как назвать раздел?

Марина подумала.

За окном темнело. В лавке пахло белой корой, тёплым хлебом и чистыми склянками. На столе лежали одиннадцать бумажных пакетов первой партии. В ящике — подозрительные деньги, которые она не трогала. В углу — ученический журнал, где Ника вывела всё ещё неровно, но уже уверенно: «Если сомневаешься, не выдаёшь».

Марина поставила хромого коня на полку за прилавком.

— Раздел «То, ради чего мы моем склянки».

Ника записала.

И впервые за много дней Марина закрывала лавку не с чувством осады, а с тихой, осторожной радостью.

На следующее утро очередь началась до открытия.

Глава 9. Дом с зелёными ставнями

Очередь пахла мокрой шерстью, простуженным дыханием и нетерпением.

Марина открыла дверь ровно в восемь — по собственному расписанию, прибитому вчера к косяку, — и увидела перед лавкой пятерых человек. К девяти их стало двенадцать. К десяти Аграфена принесла скамейку из булочной, потому что старуха с больными коленями грозилась умереть прямо под вывеской, а смерть у дверей аптеки — плохая реклама, даже если человек потом передумает.

— Садись, баба Устина, — сказала булочница. — Умирать будешь после обеда, у меня пироги ещё не вынуты.

— Твои пироги меня и добьют, — проворчала старуха, но села.

Ника стояла у двери с доской и углём. Она записывала имена, жалобы и время прихода. Делала это с таким важным видом, что один мужик спросил, не надо ли снять шапку перед списком.

— Перед списком — нет, — ответила Ника. — Перед хозяйкой — по желанию. Перед чистыми руками — обязательно.

И указала на таз с водой.

Марина услышала и не стала вмешиваться. Ученица росла стремительно. Иногда даже страшно.

Первая половина дня прошла в режиме, который Марина в прежней жизни называла «аптечный ад с элементами народного театра». Люди приходили не только за порошком от жара. Они несли старые склянки, вопросы, жалобы, слухи и уверенность, что если вдова подняла Марфу кузнечиху, то теперь обязана разобраться с каждым чихом, прыщом и мужем, который «что-то весь месяц вялый».

— Мужа сюда, — сказала Марина женщине с вялым мужем.

— Он не пойдёт.

— Значит, не настолько вялый.

Очередь одобрительно загудела.

Марина быстро поняла, что успех опаснее провала. После провала люди уходят. После успеха они начинают верить слишком сильно.

Она повторяла снова и снова:

— Я не лечу всё.

— Это средство не для вас.

— Нет, двойная доза не ускорит выздоровление.

— Нет, если выпить всё сразу, вы не станете здоровым к вечеру. Вы станете проблемой для могильщика.

Ника записывала выдачу каждой порции. БК-01 уходила быстро, но не вся: Марина оставила резерв для Марфы и для тяжёлых случаев. Трёх отправила к городскому лекарю, несмотря на возмущение. Одному отказала, потому что от него пахло брагой так густо, что белая кора в его организме могла бы начать песню.

К полудню в лавке появилась женщина в тёмно-зелёном плаще.

Она вошла без очереди.

Очередь возмутилась, но недолго. По тому, как люди расступились, Марина поняла: важная. Или богатая. Чаще всего это здесь было одно и то же.

Женщине было около сорока. Высокая, прямая, с гладко убранными волосами и лицом, на котором привычка приказывать высохла до тонких линий у рта. Плащ дорогой, застёжка серебряная, перчатки мягкой кожи. За ней стоял лакей, держа зонт, хотя дождь давно закончился.

Ника подняла доску.

— Имя и жалоба.

Женщина посмотрела на неё сверху вниз.

— Девочка, убери доску.

Ника побледнела, но доску не убрала.

Марина отложила пакет с порошком.

— В моей лавке запись обязательна для всех.

Женщина перевела взгляд на неё. Медленно. Как на предмет, который неожиданно заговорил.

— Я Терезия Вальд.

Очередь стала совсем тихой.

Марина вытерла руки.

— Лидия Радомирская.

— Я знаю.

— Тогда вы понимаете, почему мне всё равно нужно записать имя.

Кто-то в очереди тихо кашлянул. Возможно, от простуды. Возможно, от желания не рассмеяться.

Терезия Вальд не привыкла к тому, что её ставят в общий порядок. Это было видно по тому, как едва заметно напряглась её челюсть. Но она не закричала. Умная.

— Моему сыну нужен ваш порошок.

— Сколько лет сыну? Как давно жар? Какие ещё симптомы? Что уже давали?

— Вы пойдёте со мной и посмотрите сами.

Марина посмотрела на очередь. На старуху Устину, на мальчика с насморком, на мужчину, который держал живот, на Нику, у которой пальцы сжали доску.

— У меня приём.

— Я заплачу.

— Не сомневаюсь.

Терезия моргнула. Не часто ей так отвечали.

— Мой сын может умереть.

Вот это уже было другое.

За словами не было театра. Только тонкая трещина в голосе, которую богатые люди обычно прячут лучше денег.

Марина подошла ближе.

— Возраст.

— Девять.

— Жар сколько?

— Второй день. Сегодня хуже. Лекарь был утром.

— Что дал?

— Золотую настойку и порошок из красного корня.

Очередь заволновалась. Марина услышала, как баба Устина прошептала кому-то: «Красный корень мальчикам нельзя, дурни».

— Рвота? Бред? Сыпь?

— Бред к утру. Сыпи нет. Рвота была после настойки.

Марина закрыла глаза на один удар сердца.

Плохо.

— Ника. Приём останавливаем на час. Тяжёлые — имена отдельно. БК-01 без меня не выдавать. Аграфену позвать, пусть присмотрит.

— Я уже тут, — раздалось от двери.

Булочница стояла, вытирая руки о фартук. Вид у неё был такой, будто она лично готова отменить болезнь, очередь и социальное неравенство.

— Идите, — сказала она. — Я этих построю.

Очередь почему-то не возразила.

Дом Вальдов стоял на Верхней улице, где мостовая была ровнее, дома выше, а грязь в лужах казалась более воспитанной. Зелёные ставни Марина увидела издалека: тёмные, резные, с золотыми завитками. Дом был красивый, дорогой и холодный. Даже сад перед ним был выстроен по приказу.

Внутри пахло воском, лавандой и страхом, который пытались спрятать под чистым бельём.

Терезия провела Марину наверх. Лакей шёл следом, но на лестнице хозяйка остановилась.

— Останешься внизу.

— Госпожа...

— Внизу.

Он поклонился.

Марина отметила. Терезия не хотела лишних глаз. Значит, либо боялась сплетен, либо ребёнку было хуже, чем она сказала.

Комната мальчика была просторной, слишком тёплой и затемнённой. У кровати сидела гувернантка, бледная до синевы. На столике стояло пять склянок. Пять.

Марина подошла к кровати.

Мальчик лежал на спине, волосы прилипли к вискам, губы сухие. Дышал часто. Щёки пылали. На шее бился пульс. Он бормотал что-то несвязное, иногда вздрагивал.

— Окно приоткрыть. Воду свежую. Всё, что давали, на стол. И таз.

Гувернантка вскочила.

Терезия стояла у двери.

— Вы уверены?

— Нет. Поэтому собираю данные.

Слово «данные» здесь звучало чужеродно. Но Терезия, к её чести, не стала спрашивать, что это. Просто подошла к окну и открыла узкую щель.

Марина осмотрела ребёнка. Его звали Эрик. На вопросы он не отвечал, но реагировал на боль, на голос матери, на прохладную ткань. Живот мягкий. Сыпи нет. Горло красное. Запах изо рта кислый, после настоек. Не яд? Или пока не видно.

Склянки оказались опасным праздником глупости. Одна снижала жар, но раздражала желудок. Вторая усиливала потоотделение. Третья бодрила сердце. Четвёртая успокаивала. Пятая без этикетки пахла чем-то знакомым.

Марина взяла её осторожно.

Серая печать на пробке. Буква Р, обвитая травяным стеблем.

Радомирский.

Пальцы похолодели.

Терезия заметила.

— Что это?

— Где вы взяли эту склянку?

— Лекарь оставил. Сказал, старый проверенный состав.

— Какой лекарь?

— Витольд Шрам. Он лечит половину Верхней улицы.

Марина поставила склянку отдельно.

— Это не давать.

— Почему?

— Потому что я не знаю состава.

— На пробке ваша печать.

Слова ударили точно.

Ваша.

Не мужа, не покойного Радомирского. Ваша. Для города между Лидией и мёртвым мужем не было границы. Особенно если граница мешала найти виноватого.

Марина посмотрела на Терезию.

— Тем более.

Терезия побледнела.

— Вы хотите сказать, моего сына могли отравить средством из вашей лавки?

— Я хочу сказать, что не выдавала эту склянку. И пока не проверю, никому не позволю влить её ребёнку в рот.

— Но печать...

— Печать можно украсть. Подделать. Использовать старую. Ребёнку от этого легче не станет.

Снизу слышались голоса. Мужской, резкий. Потом шаги по лестнице.

Савелий вошёл без стука.

За ним — лакей с лицом человека, который пытался остановить волка полотенцем и проиграл.

— Выйди, — сказала Терезия лакею.

Тот исчез с явным облегчением.

Савелий оглядел комнату. Мальчика. Склянки. Марину. На последней задержался на долю секунды дольше.

— Мне сообщили, что здесь средство с печатью Радомирского.

— Быстро вам сообщают.

— Верхняя улица кричит тише, но бежит быстрее.

Он подошёл к столу. Не тронул склянку.

— Это ваша?

Марина услышала вопрос как следовательский. И как человеческий тоже.

— Нет.

— Уверены?

— Я веду журнал. Такой партии нет.

— Журнал мог быть неполным до вашей...

Он остановился.

До вашей горячки. До вашего изменения. До того, как в теле Лидии проснулась чужая женщина с аптечным складом в голове.

Марина сама закончила:

— До меня.

Терезия резко посмотрела на них обоих.

Савелий не отвёл глаз.

— До того, как вы взяли лавку в руки, — сказал он.

Слишком аккуратно.

И от этой аккуратности Марине стало больнее, чем если бы он сказал грубо.

— Возможно, старая. Возможно, подделка. Сейчас важнее ребёнок.

Савелий кивнул.

С этого момента они работали рядом.

Не вместе. Пока нет. Рядом.

Марина сняла с Эрика все прежние назначения. Попросила прохладную воду. Малую дозу своего порошка дала только после того, как убедилась, что последнюю настойку ребёнок

получил несколько часов назад. Савелий отправил человека за Витольдом Шрамом и велел принести записи из его лечебницы. Терезия пыталась держаться ровно, но каждый раз, когда сын бредил, её пальцы сжимались на спинке кресла до белизны.

Марина не утешала.

Утешения не снижали жар.

Она меняла ткань, считала дыхание, записывала время, заставляла гувернантку поить мальчика по ложке. Один раз Эрик застонал и попытался отвернуться.

— Эрик. Посмотри на меня.

Он приоткрыл глаза. Мутные, серые.

— Горько.

— Знаю. Лекарства редко бывают воспитанными.

— Не хочу.

— Я тоже не хотела сегодня идти в богатый дом, где все смотрят на мои рукава. Но вот мы оба страдаем.

Терезия издала звук, похожий на задыхающийся смешок.

Эрик слабо нахмурился.

— У вас рукава грязные.

— Это следы честной работы. Пей.

Он выпил.

Савелий стоял у окна и смотрел так, что Марина чувствовала его взгляд кожей. Не оценивающий. Внимательный. Слишком внимательный.

Через час жар не ушёл, но дыхание стало ровнее. Через два мальчик уснул. Не провалился в бред, а именно уснул. Марина сидела рядом, не позволяя себе радоваться раньше времени.

Витольда Шрама привели под вечер.

Он оказался сухим мужчиной в дорогом сюртуке, с тонкими руками и голосом, которым удобно говорить: «Я сделал всё возможное», даже если не сделал ничего разумного. Увидев Марину, он скривился.

— Вдова Радомирская? У постели моего пациента?

— Ваш пациент спит. Постарайтесь не мешать.

Терезия медленно повернулась к лекарю.

— Вы дали моему сыну склянку с печатью Радомирского.

— Старый состав. Проверенный.

— Состав, — сказал Савелий.

Шрам вздрогнул, будто только сейчас заметил следователя.

— Что?

— Назовите состав.

— Это врачебная тайна.

— Это улика.

В комнате стало очень тихо.

Шрам посмотрел на Терезию, и в его взгляде мелькнуло раздражение. Не страх за ребёнка. Раздражение на неудобство.

Марина видела такие взгляды. Слишком часто.

— Я получил флакон от поставщика. Не обязан помнить каждую травку.

— Имя поставщика, — сказал Савелий.

— Документы в лечебнице.

— Их уже несут.

Шрам побледнел.

Вот теперь пошёл страх.

Эрик зашевелился на кровати. Терезия сразу повернулась к нему, и весь её вид — холодный, богатый, гордый — рассыпался. Осталась мать.

Марина поправила ткань на лбу мальчика.

— Спит. Не будите.

Терезия посмотрела на неё. Впервые без высоты.

— Он будет жить?

— Я надеюсь.

— Мне нужна уверенность.

— Её нет. Есть вода, воздух, время и наблюдение. И то, что больше нельзя давать ему всё подряд.

Терезия закрыла глаза. Кивнула.

Савелий забрал склянку с печатью, завернув в ткань. Перед тем как уйти, остановился рядом с Мариной.

— Вы останетесь?

— До утра.

— В лавке Ника одна?

— С Аграфеной.

— Тогда лавка в большей безопасности, чем магистрат.

Марина устало посмотрела на него.

— Это была шутка, следовательно?

— Попытка.

— Слабая.

— Учту.

Он стоял близко. В комнате было полно людей, но на секунду они будто оказались в узком пространстве между двумя вдохами.

— Вы тоже отдыхайте, — сказал он тише.

— После вас.

— Я не умею.

— Видно.

Его взгляд задержался на её лице. Потом на её руке, лежащей на краю кровати. Не коснулся. Даже не приблизился. Но Марина вдруг ясно представила, как его пальцы снова обхватывают её запястье.

Она убрала руку.

Он заметил.

Конечно.

Ночь в доме с зелёными ставнями тянулась долго. Терезия не спала. Марина тоже. Гувернантка дремала в кресле, вздрагивая от каждого шороха. Эрик то просыпался, то снова проваливался в сон. Жар держался, потом начал медленно снижаться.

К рассвету мальчик попросил пить сам.

Терезия отвернулась к окну. Плечи её дрожали. Она не плакала громко. Такие женщины вообще, наверное, учились плакать так, чтобы не портить дом.

Марина вышла из комнаты только утром.

Внизу её ждал Савелий.

Сидел в холле на жёстком стуле, будто провёл там всю ночь. Плащ на плечах, глаза темнее обычного. На маленьком столике перед ним стояла нетронутая чашка.

— Вы не уходили?

— Уходил.

— И вернулись?

— Да.

— Зачем?

Он поднялся.

— За склянкой пришли люди Шрама. Дважды. Хотели выкупить.

— И?

— Я отказал.

На его костяшках были свежие ссадины.

Марина посмотрела. Он спрятал руку в перчатку, но поздно.

— Вы снова испортили статистику моих пациентов.

— Не сильно.

— В лавку. После допросов, погонь и прочих следовательских глупостей.

— Это приказ?

Она устала. Очень. Поэтому ответила честнее, чем стоило:

— Да.

Савелий замолчал.

Что-то в его лице изменилось. Не улыбка. Не победа. Скорее тихое, почти опасное тепло.

— Тогда приду.

Марина поняла, что сама создала себе проблему.

И, что ещё хуже, не хотела её исправлять.

Когда она вернулась в лавку, Ника бросилась к ней с отчётом: БК-01 выдано четырём, отказано троим, одна баба пыталась украсть пакет, но Аграфена пригрозила посадить её на тесто, подозрительные деньги лежат нетронутыми, а Глистин прислал мальчишку с запиской, что повторный расчёт будет завтра.

Марина слушала, кивала, мыла руки, садилась, снова вставала.

Потом Ника сказала:

— А ещё кто-то ночью положил под дверь вот это.

На столе лежал маленький свёрток.

Не деньги.

Склянка.

Серая печать. Буква Р, обвитая стеблем.

Такая же, как у Эрика.

К свёртку была приколота записка.

«Вдова знает, что продавала».

Марина взяла записку. Бумага была грубая. Чернила дешёвые. Почерк нарочно изменён.

Ника шепнула:

— Это ведь неправда?

Марина посмотрела на печать.

Внутри склянки плескалась мутно-золотая жидкость.

— Неправда.

И впервые за всё время поняла: одного порядка будет мало.

Кто-то не просто торговал подделками.

Кто-то хотел, чтобы город поверил, будто это делала она.

Глава 10. Печать Радомирского

В участке пахло мокрыми сапогами, железом и вчерашней кашей.

Марина сидела на жёсткой скамье под стеной, держала на коленях сумку со своими записями и старалась не смотреть на человека, которого выводили из соседней комнаты в кандалах. Человек был худой, с разбитой губой, в рваной куртке. Он улыбнулся ей с той особой ласковостью, которая бывает у пьяных и у тех, кому уже нечего терять.

— Вдовушка, — протянул он. — Зелья принесла? Мне бы от судьбы что-нибудь.

— Тебе бы мыла, — сказала женщина-стражник и толкнула его в плечо. — Шевелись.

Марина проводила их взглядом.

В прежней жизни она бы не сидела в полицейском участке с сумкой образцов, доказывая, что не травила ребёнка средством с печатью мужчины, чьё тело когда-то спало рядом с телом, в котором она теперь жила.

В прежней жизни у неё тоже были проверки, комиссии и люди, умеющие задавать вопросы так, чтобы любой ответ звучал виновато.

Значит, опыт пригодился.

Как неприятно.

Дверь в кабинет Савелия открылась.

— Радомирская.

Она поднялась.

Савелий стоял в проёме. Тёмный жилет, рубашка с закатанными рукавами, волосы убраны назад. На лице — след бессонной ночи. На правой руке перчатки не было. Ссадины обработаны кое-как.

Марина заметила.

Он тоже заметил, что она заметила.

— Позже, — сказал он.

— Я ещё ничего не сказала.

— Вы собирались.

— Самоуверенность вредит лечению.

— Запишите в памятку.

Стражник у стола быстро опустил голову, но плечи у него дрогнули.

Савелий пропустил Марину в кабинет.

Комната была маленькая, почти пустая: стол, два стула, шкаф с делами, карта уезда на стене, печь, которая, судя по холоду, служила скорее украшением. На подоконнике стояла кружка с давно остывшим чаем. Рядом — та самая склянка с печатью Радомирского, завернутая в ткань.

Марина поставила сумку на стол.

— Я принесла журналы.

— Все?

— Те, что успела завести. И старые книги, найденные в лавке. В них хаос, грязь и местами поэзия безответственности, но кое-что полезное есть.

— Поэзия безответственности?

— Запись «три щепоти, если человек крепкий» иначе не назвать.

Савелий сел напротив.

Не за главный край стола, как следователь. Сбоку. Почти рядом.

Марина отметила это и велела себе не искать смысла.

— Склянку из дома Вальдов проверили? — спросила она.

— Предварительно. Состав похож на жаропонижающую настойку Радомирского старого образца. Но есть замена.

— Какая?

Савелий открыл дело, достал лист.

— Вместо лугового горьколиста — вытяжка из серой куртины.

Марина листала в голове местные травники. Серая куртина. Она видела название в книге Лидии. Дешёвый заменитель с похожей горечью, но с неприятным действием на желудок и сердце, особенно у детей.

— Опасно.

— Да.

— Дёшево?

— Очень.

— И внешне похоже?

— Для обычного лекаря — достаточно.

Марина закрыла глаза на секунду.

Старая история. Не этот мир, не тот — без разницы. Дорогой компонент заменяют дешёвым, этикетку оставляют прежней, прибыль растёт, пациенты мешают статистике.

— Это подделка.

— Возможно.

— Не возможно. Точно. Радомирский мог быть мерзавцем, но если его старая рецептура работала на горьколисте, замена меняет характер средства.

Савелий смотрел внимательно.

— Характер?

— Силу. Риск. То, как средство ведёт себя в человеке.

— Вы говорите, словно снадобье — животное.

— Иногда оно хуже. Животное хотя бы не притворяется другим животным.

Он молчал, и в этом молчании было не раздражение, а работа мысли.

Марина достала свои записи.

— Смотрите. Мои партии имеют номера. БК-01 — белая кора, первая партия. Вот сырьё, дата, вес, кто собирал, кто обрабатывал. Для мази — МУ-03, потому что первые две я забрактовала. Для дыхательных проб я пока не присваивала торговый номер, они не вышли в продажу.

— А старые настойки Радомирского?

— Вот здесь. — Она открыла книгу покойного мужа. — Печать использовалась, но номера партий не было. Только знак на пробке. Иногда цвет воска. Иногда отметка в книге. Иногда ничего. Поэтому любой, у кого есть старая печать или её оттиск, может продавать что угодно.

Савелий взял книгу, перелистал.

Его пальцы остановились на странице, где почерк становился резким, размашистым. Марина уже видела эту запись: «Жарная настойка. Детская половина. Для В. Ш. по прежней цене».

— Витольд Шрам, — сказал Савелий.

— Похоже.

— Он утверждает, что покупал старые партии у вашего мужа.

— Мужа Лидии.

Слова вышли тихо.

Савелий поднял глаза.

Марина не отвела взгляд. Устала. Устала каждый раз спотыкаться о мёртвого мужчину, чьё имя цеплялось к ней, как репей.

— Я не знала Радомирского. Не помню его как мужа. Не скорблю. Не защищаю. Я разбираю его бумаги как чужой склад после пожара. Если вам нужна вдова, которая будет падать в обморок при слове «покойный», выберите другую подозреваемую.

Савелий не перебил.

За дверью кто-то рассмеялся, получил окрик и замолчал. В печи треснуло одно полено, хотя огня там не было. Или Марине показалось.

— Мне нужна правда, — сказал Савелий.

— Правда в том, что Лидия, возможно, жила с преступником. Или дураком. Или обоими сразу. Правда в том, что я не знаю, сколько его грязи осталось под полами моей лавки. Правда в том, что кто-то использует его печать, чтобы ударить по мне сейчас.

— Почему по вам?

— Потому что я стала мешать.

— Кому?

Марина наклонилась над столом.

— Всем, кто зарабатывал на мутных склянках без состава. Всем, кто продавал старье под видом лекарства. Всем, кому выгодно, чтобы люди не спрашивали, что они пьют. Вы следователь, Савелий. Неужели это так сложно?

Она впервые назвала его по имени вслух.

Осознала только после.

Он тоже.

Между ними повисло это имя. Не нежное. Не домашнее. Но уже не должность.

Савелий медленно закрыл книгу.

— Нет. Не сложно.

Марина откинулась на спинку стула.

Сердце стучало слишком быстро. От злости, усталости и чего-то, что вообще не имело права находиться в участке.

— Что вы хотите от меня?

— Присутствовать при полной проверке состава.

— Я уже собиралась этого требовать.

— Я знаю.

— Поэтому решили предложить первым?

— Поэтому решил сэкономить время.

Она прищурилась.

— Разумно.

— Иногда я умею.

И снова эта тень улыбки.

Марина ненавидела её всё меньше. Это тревожило.

Проверку проводили в маленькой задней комнате участка, где обычно, по словам стражницы, держали «вонючие улики,дохлых птиц и один раз руку, но недолго». Марина решила не уточнять.

На стол поставили три склянки: из дома Вальдов, ночной подброс у лавки и старую настоящую настойку из запасов Радомирского, найденную в тайном ящике. Рядом — чистые чашечки, фильтры из ткани, реактивы местного образца: соли, настои-индикаторы, кусочки зачарованной бумаги, меняющей цвет при сильной магической примеси.

Марина скучала по лаборатории.

По нормальной лаборатории. С вытяжкой, перчатками, маркированными колбами, холодильником, журналом, где люди не писали «щепоть».

Но руки делали своё.

Савелий стоял рядом, чуть позади. Не мешал. Не торопил. Это оказалось редким удовольствием.

— Подайте чистую палочку.

Он подал.

— Нет, не эту. Она касалась пробки.

Он без возражений взял другую.

— Ткань.

Подал.

— Запишите: образец два мутнее образца один. Запах сладковатый, не характерный. Осадок после встряхивания поднимается хлопьями.

Он записал.

Почерк у него был неожиданно аккуратный. Жёсткий, наклонённый, но ясный. Марина любила ясные почерки. Слишком личная слабость для разумного человека.

— Вы всегда так работаете? — спросил он.

— Как?

— Будто ругаетесь с жидкостью и ждёте, что она сдастся.

Марина не удержалась. Усмехнулась.

— Часто сдаётся.

— Люди тоже?

— Люди хуже жидкостей. У них есть самолюбие.

— У вас тоже.

— Моё хотя бы подписано и хранится в сухом месте.

Савелий посмотрел на неё сбоку. В тесной комнате это было опасно: расстояние между ними сократилось до ширины стола, а местами и меньше. Когда Марина тянулась за чашечкой, её рукав почти касался его руки. Почти. Это «почти» начинало жить отдельно.

Она сосредоточилась на образцах.

Первая склянка и ночной подбор совпадали почти полностью. Одинаковая замена горьколиста серой куртиной. Одинаковый сладковатый запах, скрывающий горечь. Одинаковая слабая магическая примесь, от которой индикаторная бумага желтела по краям.

Старая настоящая настойка Радомирского была другой. Грязная, грубая, неприятная, но другой.

— Это один источник.

— Уверены?

— Да. Ошибки одинаковые. Это как два письма с одной орфографией. Можно менять подпись, но неграмотность остаётся.

Савелий записал.

— Сможете объяснить это магистрату?

— Если магистрат умеет слушать.

— Умеет делать вид.

— Значит, объясню так, чтобы делать вид стало трудно.

Он посмотрел на неё. Взгляд держался дольше, чем требовалось для следствия.

— Вы любите трудные задачи.

— Нет. Они сами приходят.

— А вы открываете дверь?

— Если не открыть, они лезут в окно.

Савелий чуть наклонился, чтобы забрать чашечку. Его плечо оказалось рядом с её плечом. Тепло от него чувствовалось сквозь рукав. Марина замерла на половину секунды.

Он тоже.

Никто не отстранился сразу.

Тишина маленькой комнаты сгустилась.

Где-то за стеной стражник ругался с задержанным. Во дворе заржала лошадь. В коридоре хлопнула дверь. Всё это было далеко. А здесь — чашечка с мутной настойкой, стол с царпинами и мужская рука в двух пальцах от её руки.

Марина первая взяла тряпку и вытерла стол.

— Следующий образец.

— Конечно, — сказал Савелий.

Голос у него был ниже обычного.

Проверка закончилась к вечеру. Марина устала, словно весь день поднимала мешки, а не капала настойки на бумагу. Но результат был ясным: подделка. Опасная. Две склянки из одного источника. Печать старая, возможно, сделана с подлинного оттиска Радомирского.

Савелий проводил её до лавки.

Она сказала, что не надо.

Он сказал, что знает.

И всё равно пошёл.

На улице пахло дымом и мокрым камнем. Сухолесье вечерело: лавки закрывались, дети гоняли палкой обруч, у булочной толпились люди за последним хлебом. Несколько женщин проводили Марину взглядами. Одна шепнула другой что-то про следователя. Вторая посмотрела на Савелия, потом на Марину и улыбнулась так, что Марине захотелось выдать ей порошок от фантазии.

— Город говорит, — сказал Савелий.

— Город может полоскать горло настоем ромашки, если охрипнет.

— Ромашка помогает от сплетен?

— Нет. Но займёт рот.

Он тихо усмехнулся.

У лавки их ждала Ника.

Девочка стояла на пороге, переминалась с ноги на ногу и смотрела так тревожно, что Марина ускорила шаг.

— Что случилось?

— Приходил Глистин.

Марина устало закрыла глаза.

— Разумеется.

— Оставил новый расчёт. И сказал, что завтра придёт с описью, потому что срок он считает от старого уведомления.

— Не имеет права.

— Я сказала.

Марина открыла глаза.

— Что ты сказала?

Ника сглотнула.

— Что он не имеет права. И что вы требовали два экземпляра, а он принёс один. И что у него печать смазана. И что я это записала.

Савелий кашлянул.

Очень подозрительно.

Марина посмотрела на девочку. На её испуганное, гордое лицо. На чернильное пятно у виска. На руки, сжимающие тот самый расчёт.

— Молодец.

Ника просияла.

Савелий взял бумагу, быстро просмотрел.

— Он добавил сбор за препятствие взысканию.

— За что?
— За то, что вы заставили его пересчитать.
Марина медленно повернулась к нему.
— Это законно?
— Нет.
— Хорошо.
— Почему хорошо?
— Законные мерзости сложнее бить.
Савелий протянул ей бумагу.
Их пальцы коснулись.
Случайно.
Коротко.

Но Марина почувствовала это так ясно, будто кто-то провёл тёплой линией от кончиков пальцев к локтю. Она не отдёрнула руку. Он тоже. Только отпустил бумагу на мгновение позже, чем мог.

Ника смотрела на них огромными глазами.

Марина спрятала расчёт в сумку.

— Завтра займёмся Глистиным.
— Завтра я займусь Шрамом.
— А сегодня?

Он посмотрел на лавку, на дверь, на тёмное окно.

— Сегодня закройте засовы. И не трогайте новые склянки голыми руками.

— Вы всем подозреваемым даёте советы по хранению улик?

— Только тем, кто мне нужен живым.

Фраза повисла между ними.

Слишком тяжёлая для улицы. Слишком личная для Ники. Слишком честная для человека, который обычно прятался за должностью.

Марина могла бы ответить колкостью. Должна была.

Вместо этого сказала:

— Тогда и вы смените повязку.

Савелий чуть наклонил голову.

— Нужен живым?

Вот теперь он сделал это нарочно.

Ника перестала дышать.

Марина посмотрела на него спокойно. Почти.

— Как свидетель по делу.

— Разумеется.

— И как постоянный покупатель мази. Вы портите оборот.

— Исправлюсь.

Он ушёл, оставив после себя запах дождя, железа и чего-то тёплого, звериного, что Марина не хотела учиться узнавать.

В лавке Ника сразу спросила:

— Он правда постоянный покупатель?

— У него опасная работа.

— И удобная лавка рядом.

— Ника.

— Я молчу.

— Ты говоришь.

— Уже молчу.

Марина сняла плащ, вымыла руки и разложила на столе новый расчёт Глистина. Бумага была заполнена уверенным почерком человека, который не привык, что его читают внимательно. В этом он ошибся.

Ника встала рядом с пером наготове.

— Что ищем?

— Ложь. Она любит прятаться в цифрах.

— А если найдём?

Марина посмотрела на печать сборщика. Смазанная, как и сказала Ника. Мелочь. Но из мелочей строились дела, долги, обвинения и спасение.

— Тогда научим Прохора Ильича бояться аккуратных женщин.

За окном темнело. На полке за прилавком стоял деревянный хромой конь. В закрытом ящике лежали подозрительные деньги. В отдельной ткани — подброшенная склянка с печатью Радомирского. На столе — налоговый расчёт, полный наглости.

Марина взяла перо.

Ника придвинула лампу.

Лавка стала маленьким кругом света посреди сырого города, где слишком много людей привыкли продавать мутное под видом лечебного.

Марина больше не чувствовала себя случайной гостьей в чужой жизни.

Пока не дом. Нет.

Но уже рабочее место.

А рабочее место она умела защищать.

Внизу чистого листа она выписала отдельную строку:

«Олег Радомирский — печать — Глистин — подброшенная склянка — старая лаборатория — Алые склянки?»

Ника посмотрела через плечо.

— Это уже дело?

— Пока цепочка. Дело будет, когда кто-нибудь из них дёрнет за следующий конец.

Марина поставила после вопросительного знака точку.

Пусть пока вопрос. Но больше не куча случайностей.

Глава 11. Соседка, которая всё знает

К утру Сухолесье пахло мокрой мукой.

Запах полз из соседней булочной, просачивался в щели между ставнями, цеплялся за волосы и ложился на язык тонкой пылью. Марина проснулась от того, что кто-то бил по задней двери лавки.

Не стучал. Бил.

Три раза кулаком, потом пауза, потом ещё два удара, уже сердитых.

Она села на узкой кровати в каморке за торговым залом, нащупала сапоги и на секунду замерла, вспоминая, где находится. Не квартира. Не телефон на тумбочке. Не календарь проверок. Деревянная стена перед лицом. Потолочная балка над головой. Чужие руки, уже почти не чужие, с мозолью от ступки и свежей царапиной у большого пальца.

— Хозяйка! — за дверью снова ударили. — Если ты померла, так скажи сразу, я к вечеру венки испеку.

Ника заворочалась на лавке у печи, высунула из-под одеяла нос и пробормотала:

— Это тётка Аграфена.

— Я догадалась.

— Она если пришла утром, значит, или кто-то умер, или кто-то женится, или у неё пирожки не поднялись.

— А если всё сразу?

Ника фыркнула в одеяло.

Марина накинула старую шерстяную шаль, подошла к двери и сняла засов. На пороге стояла женщина лет пятидесяти с широкой грудью, красными от муки руками и таким лицом, будто она лично держала на плечах весь город, а город ещё имел наглость дёргаться.

Аграфена, хозяйка булочной «У двух караваев», смотрела на Марину снизу вверх, хотя была почти с неё ростом. Просто смотрела так, что любой человек перед ней становился мальчишкой с украденной плюшкой за пазухой.

— Живая, — сказала она. — Уже хорошо.

— Доброе утро и вам.

— Утро будет добрым, когда у меня тесто подойдёт, а город перестанет жрать слухи вместо хлеба. Пустишь?

Марина посторонилась.

Аграфена вошла, критически оглядела каморку, печь, лавку Ники, стопку журналов на столе, ряд чистых склянок, выставленных сушиться вверх дном на льняном полотне. Потом поставила на стол корзину, накрытую полотенцем.

Из-под полотенца пахнуло хлебом.

У Марины живот ответил раньше, чем она вспомнила про достоинство.

— Ешь, — велела Аграфена. — Говорить с голодной вдовой всё равно что месить тесто в холодной воде. Только руки отобьёшь.

— Я не просила.

— А я не из жалости. Не люблю, когда по соседству человек падает в обморок. Потом народ бежит ко мне, орёт, муку по полу топчет.

Ника уже сидела на лавке, смотрела на корзину круглыми глазами и старалась не выглядеть голодной. Получалось плохо.

Марина взяла полотенце. В корзине лежали маленькие круглые булочки, блестящие от тонкого слоя масла, с прорезью сверху. В прорези темнела начинка из грибов и лука.

— Спасибо, — сказала она.

Аграфена махнула рукой, будто благодарность была лишней бумажкой.

— Сначала ешьте. Потом будешь мне объяснять, что за склянку ты нашла у Терезии Вальд и почему весь город теперь считает, что покойник Радомирский восстал из гроба, чтобы снова всех травить.

Ника подавилась воздухом.

Марина медленно положила булочку на тарелку.

— Откуда вы знаете про склянку?

Аграфена уселась на стул так уверенно, словно он был её собственностью.

— Лидия, милая. В этом городе курица не успеет снести яйцо, как на рынке уже спорят, от кого оно. А ты вчера была у Вальдов. Мальчишка в горячке, гильдейский лекарь носом крутит, Руд ходит по дому, как гроза по крыше. Потом выносит что-то в платке и едет в канцелярию. К вечеру служанка Вальдов покупает у меня сухари и плачет. Что мне ещё думать?

— Что служанка слишком много говорит.

— Все говорят лишнее. Вопрос только в том, кто слушает.

Марина откусила булочку. Тесто было мягким, тёплым и таким настоящим, что на секунду в груди стало тесно. Она не ожидала, что простая еда может ударить сильнее чужого зеркала. В прежней жизни после тяжёлых смен она иногда покупала по дороге домой слойку с картошкой. Ела её в машине, пока стекло запотевало от дыхания, а телефон мигал сообщениями, на которые не хотелось отвечать. Тогда это называлось ужином.

Здесь горячая булочка напомнила ей, что тело всё ещё живое. И хочет простых вещей. Хлеба. Тепла. Сна без страха, что утром за дверью будет не соседка, а дознаватель.

— Хорошо, — сказала Марина. — Вы слушаете. Что именно говорят?

Аграфена довольно прищурилась.

— Говорят разное. Купец Леван утверждает, что ты подменила ребёнка Вальдов восковой куклой, потому что настоящие дети после вдовьих порошков не выздоравливают так быстро. Прачка Дуня говорит, что ты не Лидия вовсе, а дальняя родня по женской линии, которая убила Лидию и надела её лицо.

Ника уронила булочку.

Марина посмотрела на неё.

— Поднимай. Пол чистый. Относительно.

Ника подняла, покраснев до ушей.

— Что ещё? — спросила Марина.

— Старуха Пелагея уверяет, что следователь Руд ходит к тебе не по делу, а потому что ты приворожила его мазью.

Марина подавилась крошкой.

Аграфена подвинула ей кружку с водой.

— Мазью, — повторила Марина.

— От ушибов. Сильная вещь, видать. С тех пор как он у тебя был, на рынке две вдовы и одна замужняя дама спрашивали у меня, не знаю ли я рецепт.

Ника спрятала лицо в ладонях.

— Это всё?

— Нет. Ещё говорят, что ты собираешь старые склянки по домам, чтобы узнать, кто чем лечится, а потом продать сведения похоронщику.

Марина закрыла глаза.

На складе, где она работала раньше, люди тоже любили сплетни. Кто с кем пьёт чай, кто уволится, кто спит с представителем поставщика, кто получил премию и за что. Но там у сплетен хотя бы были стены, бейджи и кофейный автомат.

Здесь сплетни ходили по улицам в сапогах.

— Значит, проверку домашних запасов придётся проводить публично, — сказала она.

Аграфена отломала себе кусок булочки.

— Ты совсем головушкой стукнулась?

— Возможно. Если люди считают, что я собираю склянки для похоронщика, надо показать, что именно я с ними делаю. При всех. Принёс человек старую настойку — я смотрю, объясняю, почему её нельзя пить. Если можно оставить — оставляю. Если опасно — уничтожаю при свидетелях. И записываю.

— Опять записываешь.

— Да.

— Бумага терпит всё, а люди нет.

— Люди терпят отравления годами, если им сказать, что так лечились их бабки.

Аграфена посмотрела на неё внимательнее.

— Ты не стала мягче после горячки. Ты стала твёрже. Раньше Лидия смотрела так, будто всё время ждала удара. А теперь смотришь, будто считаешь, куда ударить в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.